

Верлорды

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА



КЕРТИС ДЖОБЛИНГ

Верлорды

Кертис Джоблинг
Последняя битва

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-053.6
ББК 84(4Вел)-44

Джоблинг К.

Последняя битва / К. Джоблинг — «Эксмо»,
2011 — (Верлорды)

ISBN 978-5-699-89830-5

Война за Семиземелье между Волком и Котами подходит к концу. Распались многие союзы. Прежние враги теперь объединились в борьбе против безжалостного и коварного Лукаса. Кажется, что сила на стороне отважного Дрю Феррана и его друзей. Ведь на помощь им спешат верлорды со всего континента. Но северная земля Айсгарден по-прежнему во власти некроманта Черная Рука. И поговаривают, что при помощи черной магии он собирает целые армии, чтобы они вступили в последний бой...

УДК 821.111-053.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-89830-5

© Джоблинг К., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Действующие лица	6
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Часть II	55
Глава 1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кертис Джоблинг Последняя битва

© Мольков К., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Это для вас, миссис Блинг! Дж.

Действующие лица

Волк и его союзники

Дрю Ферран, последний из Серых Волков и законный король Вестланда.

Верлорды-мореплаватели

Граф Вега, принц островов Кластер, адмирал флота Волка, бывший капитан «Мальстрема», член Совета Волка. Лорд-акула.

Барон Боса, лорд-кит из Моги, капитан «Белуги», бывший пират.

Флоримо, штурман. Лорд-крачка.

Каспер, бывший юнга с «Мальстрема». Сын Веги и Шах. Лорд-ястреб.

Болотники из трясины Ботт

Холка, болотник.

Шильмин, его жена

Хилик, их сын

Шома, еще один болотник.

Верлорды из Азры

Фейсал, король Азры, законный правитель Омира. Лорд-шакал.

Визирь Барджин из Азры, ближайший советник Фейсала. Лорд-шакал.

Леди-гиена Хайфа, правительница Роу-Шена, ведущая осаду Азры. Леди-гиена.

Лорд Канан из Омира, правитель Паши, король-бунтарь, вовлеченный в гражданскую войну против короля Фейсала. Лорд-пес.

Кара, юная дочь Фейсала. Леди-шакал.

Бастийские союзники Волка

Леди Опал, Красавица из Баста, сестра Оникса. Леди-пантера.

Лорд Чолло из Тиза. Лорд-гепард.

Верховный лорд Тигара, Старейшина Тигров, дед Табу. Лорд-тигр.

Лорды-ястребы

Леди Шах, целительница, наследница трона в Винделле. Леди-ястреб.

Граф Карстен, один из предводителей лордов-ястребов, брат барона Баума. Лорд-орел.

Барон Баум, один из предводителей лордов-ястребов, брат графа Карстена. Лорд-орел.

Лорды-медведи из Дайрвуда

Леди Уитли, дочь Бергана, следопыт «зеленый плащ».

Герцог Берган из Брекенхольма, член Совета Волка.

Герцогиня Ранье, жена Бергана. Леди-лисица.

Барон Редферн из Дэрки Дайрвудского, брат Бергана.

Лорд Броган, сын Бергана, военачальник зеленых плащей, ныне покойный.

Белые Медведи из Айсгардена

Герцог Генрик, правитель Айсгардена, кузен герцога Бергана.

Леди Грета, магистр, сестра Генрика, находится в руках барона Гектора.

Дикие кошки из Роббена

Бетвин, придворная дама леди Греты.
Барон Мервин, правитель Роббена, отец Бетвин.
Лорды-олени из Стормдейла
Герцог Манфред, член Совета Волка.
Лорд Рейнхарт, сын Манфреда, действующий лидер Стормдейла.
Лорд Мило, сын Манфреда, младший брат Рейнхарта.
Магистр Вильгельм, целитель, дядя Гектора. Лорд-кабан.

Белые Волки из Шэдоухэйвена

Милоки, провидица
Микотай по прозвищу Белая Смерть, брат Милоки.

Другие ныне живущие верлорды

Леди Гретхен из Хеджмура, бывшая невеста Лукаса, подруга Дрю. Леди-лисица.
Лорд Конрад из Кейп-Гала. Лорд-конь.
Лорд Эбен из Хаггарда. Лорд-баран.
Табу, внучка лорда Тигары, бывшая женщина-гладиатор со Скориин, сумевшая уцелеть в Печи. Леди-тигрица.
Криг, гладиатор со Скориин, сумевший уцелеть в Печи. Лорд-носорог.
Бегемот, гладиатор со Скориин, сумевший уцелеть в Печи. Лорд-мамонт.
Герцог Бранд из Калико. Лорд-буйвол.

Погибшие верлорды

Вергар Волк, бывший король Вестланда, отец Дрю, был свергнут и убит королем Леопольдом.
Королева Амелия, Белая Волчица, вдовствующая королева Вестланда, вдова Вергара и Леопольда, мать Дрю и Лукаса. Убита Гектором.
Граф Микель, брат герцога Манфреда, убит лордами-псами перед битвой при Хайклиффе. Лорд – олень.
Барон Эван из Хаггарда, отец лорда Эбена, магистр, убит графом Кессларом. Лорд-баран.
Лорд Дорн, сын герцога Бранда, убит в Хаггарде графом Кессларом. Лорд-буйвол.
Красный Руфус, убит в сражении за Брекенхольм. Лорд-ястреб.

Союзники-люди

Трент Ферран, сводный брат Дрю, бывший «красный плащ», ныне Рыцарь Волка.
Джоджо, бывший капитан и торговец на службе у графа Кесслара, ныне друг Дрю.
Капитан Эрик Рэнсом, бывший пират, ныне капитан «Мальстрема».
Фиггис, первый помощник капитана на «Мальстреме».
Баба Соба, мудрая провидица, цыганка.
Южник, цыган, глотатель огня и силач.
Генерал Харкер, командир Лесных Стражей из Брекенхольма.
Генерал Рейбен Фрай, лучник из Стурмланда.
Бо Карвер, король воров.
Пик, юная девочка-воровка.
Ларс Стейнхаммер, стурмландский кузнец.
Айбел, бывший телохранитель Гектора, примкнувший ныне к Бергану.
Мак Ферран, отчим Дрю, отец Трента, убит гвардейцами Льва.
Тили Ферран, мачеха Дрю, мать Трента, убита Ванмортемом.

Лорды-коты и их союзники

Львы из Леоса

Верховный лорд Леон, Старейшина Львов, отец Леопольда, дед Лукаса.

Леопольд, свергнутый впоследствии король Вестленда, отец Лукаса. Убит Лукасом.

Лукас, самопровозглашенный король Вестленда, сын Леопольда и королевы Амелии, сводный брат Дрю.

Лорд Люк, племянник Леона, элитный гвардейский офицер.

Лорд Лекс, племянник Леона, элитный гвардейский офицер, брат Люка.

Их союзники-верлорды

Лорд Улик из Уорлдс Энд (Края Света), горилла. Лорд-обезьяна.

Генерал Клавелл, брат генерала Скина. Лорд-журавль.

Пантеры из Браги

Верховный лорд Оба, Старейшина Пантер, отец лорда Оникса и леди Опал.

Лорд Оникс, Зверь из Баста.

Их союзники-верлорды

Лейтенант Итакус, посланник Верховного лорда Обы, лорд-гриф.

Граф Коста, член Военного совета Оникса. Лорд-гриф.

Генерал Скин, член Военного совета Оникса. Лорд-журавль.

Генерал Джорджо, член Военного совета Оникса. Лорд-гиппопотам.

Барон Овермейр с Проклятых равнин, член Военного совета Оникса. Лорд-буйвол.

Леди Гиза, член Военного совета Оникса. Леди-газель.

Их союзники-люди

Шериф Мюллер, главарь бандитов из Дурных земель (Бедлендс), член Военного совета Оникса.

Майор Крупа, командир красных плащей. Член Военного совета Оникса.

Тигры из Фелоса

Фельдмаршал Тиас, командующий Фуриями из Фелоса. Лорд-тигр.

Их союзники-верлорды

Генерал Примус, кузен Оникса. Лорд-пантера.

Лорд Юрок, орангутанг из Уорлдс Энд. Лорд-обезьяна.

Гепарды из Тиза

Лорд Чанг, сын лорда Чолло. Ныне покойный.

Крысиный Король

Ванмортен, лорд-канцлер Вестленда, самый могущественный член семейства Крысиного Короля.

Ванкаскан, черный маг, бывший господин и учитель Гектора. Убит Дрю.

Ворьявик, фельдмаршал, убит лордом Рейнхартом в битве за Стормдейл.

Ворхас, брат-близнец Ворьявика, командующий армией Льва в Дейлиленде. Убит Трентом Ферраном.

Дикие Лесовики и их богиня Вала, злобная богиня-змея, которой поклонялись Лесовики. Убита Дрю.

Темное Сердце, шаман, вождь Диких Волков.

Верлорды с острова Скория

Лорд Игнуус, владелец гладиаторской арены Печь. Лорд-ящерица.

Граф Кесслар из Хаггарда, работороговец. Лорд-козел. Убит Бегемотом.

Союзники-мореплаватели

Адмирал Скорпио, бывший командующий бастийским флотом и капитан «Бастийской императрицы». Лорд-скорпена (морской ерш).

Лорд Гуль, Кракен, лорд-кальмар, правитель островов Кластер и адмирал флота Льва. Ныне покойный.

Лорд Хэкет, наместник в Каттерс Коув. Лорд-краб. Ныне покойный.

Мертвый Глаз, капитан «Адского пса». Лорд – рыба-молот. Ныне покойный.

Лорд-кабан и его союзники

Барон Гектор, темный маг, известный как Черная Рука, правитель Редмайра, бывший член Совета Волка, вождь угров. Лорд-кабан.

Винсент-бес, призрак мертвого брата-близнеца Гектора.

Лорды-вороны

Лорд Флинт, сын графа Крока, вождь Воронов из Райвена. Убит Гектором.

Союзники-люди

Ринглин, начальник личной охраны лорда-кабана. Убит Гектором.

Два Топора, воин-угр.

Часть I

Волк возвращается

Глава 1

Стойло

Шедшая по пирсу юная женщина ненадолго остановилась, пропуская мимо себя колонну вооруженных всадников, и взглянула на гавань. Город-крепость лорда-быка, герцога Бранда, был освобожден, вражеский бастийский флот уничтожен кораблями Волка. После этого залив Калико превратился в подобие рифа, только вместо кораллов здесь из-под воды торчали полузатонувшие корпуса бастийских дредноутов с обгоревшими мачтами, тянувшимися к небу, словно почерневшие пальцы утопающего. Между обломками боевых кораблей к выходу из бухты один за другим медленно пробирались траулеры – соскучившиеся по своей работе рыбаки собирались выйти на лов в открытое море. Женщина понаблюдала за тем, как один из маленьких траулеров поравнялся с высоким бортом громадного фрегата «Немезида», заслонявшего своими мачтами солнце на небе. Рыбаки радостно приветствовали стоявших на палубе матросов: экипаж «Немезиды», которой командовала стоявшая на пирсе женщина, был смешанным, в него входили и уроженцы Баста, и жители Лиссии. Бывшие враги сражались теперь плечом к плечу во имя Волка.

Матросы махали рыбакам в ответ, желали им удачного лова.

Женщине очень нравился оптимизм рыбаков, их привычка никогда не сдаваться, радовало то, что они сохранили бодрость духа, несмотря на долгие месяцы оккупации, и уже готовы вернуться к прежней мирной жизни всего через несколько дней после изгнания из города кровавого тирана, адмирала Скорпио. Вид рыбаков вселял в женщину надежду – это чувство настолько редко посещало ее в последнее время, что казалось странным, к нему нужно было привыкать заново.

– Вы готовы, миледи?

Уитли обернулась к капитану Рэнсому – подкручивая свои седые усы, он ожидал ее, стоя на забитом людьми разводном мосту, который соединял город-крепость с причалами, расположившимися перед его стенами. Большая часть кораблей эскадры, которой командовала Уитли, остались стоять на якоре в море, у входа в гавань, но их экипажи – все, кто был свободен от вахты, – получили разрешение сойти на берег. Не было в гавани и флота барона Босы. Уитли рассчитывала встретиться здесь с победоносным лордом-китом из Моги, однако он не стал дожидаться ее и поспешил выйти в море, чтобы продолжить охоту за неприятельскими судами. Уитли вновь переключила свое внимание на текущую мимо нее экзотическую толпу. За время войны Уитли успела повидать и солдат Пантеры в золотых шлемах, и гвардейцев Льва в красных плащах, но такие бастийцы, как сейчас, ступили на землю Лиссии впервые. Это были Фурии – одетые в кожаные доспехи и вооруженные двумя мечами воины лордов-тигров. Численно их было меньше, чем солдат Пантеры и Льва, но они ничуть не уступали им ни в умении, ни в яростном стремлении сражаться до конца. Сейчас они шли по широкому деревянному мосту в город, и жители Калико провожали их внимательными, настороженными взглядами.

– Как вы думаете, Рэнсом, нравится ли им снова видеть бастийцев на пороге своего дома? – спросила Уитли, проходя рука об руку с ним сквозь городские ворота, прорезанные в толстой, сложенной из песчаника крепостной стене.

– Если бы они боялись нас, то не открыли бы перед нами ворота, миледи, – ответил старый капитан. – Хотя среди нас немало бастийцев, местные жители своими глазами видели, как барон Боса уничтожил флот адмирала Скорпио. При этом в Калико знают, что барон – наш друг. Они ведут себя несколько настороженно? Я не могу винить их в этом после того, что им пришлось пережить. Так что прием, который нам здесь оказали, я бы считал теплым. Готов спорить, что адмирала Скорпио в городе герцога Бранда встречали намного прохладнее.

* * *

– Я ждал увидеть короля, а он прислал мне какую-то девицу?

Уитли пересекла зал, известный всем в Калико как Стойло, и все собравшиеся здесь придворные суетливо расступались перед ней, освобождая дорогу. За плечом Уитли вышагивал капитан Рэнсом с прямой, как палка, спиной и гордо выставленным вперед подбородком. Достаточно старый, чтобы быть Уитли дедом, бывший пират сохранил осанку, силу и ловкость, был бесконечно предан девушке из Брекенхольма и совсем недавно спас ее от лап ужасного верлорда, рыбы-молота по кличке Мертвый Глаз. Больше, чем Рэнсому, Уитли доверяла, пожалуй, лишь одному человеку на свете, но он, увы, был сейчас далеко-далеко отсюда. Они приблизились к столу, за которым сидел местный правитель, герцог Бранд.

– Да, я, быть может, «девица», как вы изволили выразиться, однако мне дано право выступать от имени Волка и моего отца, лорда Бергана из Брекенхольма.

Голос Уитли перекрыл негромкие разговоры в Стойле и заставил всех повернуть головы в сторону громадного верлорда, восседавшего во главе длинного стола. Он поднял свою лысую голову и фыркнул, а Уитли тем временем подошла ближе и остановилась прямо перед ним. Шея герцога Бранда была почти не видна, она тонула в клубках могучих плечевых мускулов. На герцоге был длинный черный плащ, поверх которого на грудь свисала толстая золотая цепь, а подбитый горностаевым мехом нижний край плаща складками лежал на полу у ног гиганта.

По всему чувствовалось, что правитель Калико пользовался у своих приближенных непререкаемым авторитетом, хотя на чем держался его авторитет – страхе или уважении – Уитли пока что для себя не решила.

– Дочь Бергана? – переспросил герцог Бранд.

– Меня зовут леди Уитли, ваша светлость, – ответила девушка и вежливо поклонилась. – Благодарю вас за то, что вы открыли для наших людей городские ворота Калико. Мы тронуты вашим гостеприимством.

– Хорошо, что вы догадались выслать вперед гонца, – угрюмо буркнул Бранд. – Если бы явились без предупреждения, я пустил бы все ваши корабли на дно залива с помощью бастийского гремучего порошка.

– Вы имеете в виду порох, который мой друг, барон Боса, захватил у разгромленного им флота адмирала Скорпио?

Лорд-бык при этих словах недовольно поморщился, однако Уитли не стала обращать на это внимания и продолжила:

– Вам нет причин опасаться нас, ваша светлость.

– А кто сказал, что я боюсь, юная Медведица?

– Прибывшие со мной солдаты, которых вы, несомненно, успели увидеть, это союзники Волка, присягнувшие служить ему от имени своего Верховного лорда-тигра Тигары, правителя Фелоса.

– Странно слышать, как вы называете своими союзниками тех, кто всегда считался нашими врагами, леди Уитли, – сказал герцог.

– Во время войны союзы создаются и распадаются с такой же легкостью, с какой стелются по ветру травы в ваших родных степях Лонграйдингса, ваша светлость, они возникают непредсказуемо и порой оказываются весьма удачными. Форум старейшин в Басте прекратил свое существование, весь бастийский континент погружается в смуту. Львы и Пантеры теперь сражаются друг с другом, а Тигры из Фелоса перешли на службу лорду Дрю. Сейчас они наши союзники, ваша светлость.

Уитли не испытывала перед старым лордом-быком ни малейшего страха. Слишком много всего произошло после начала войны, слишком много такого, что почти стерло даже из памяти самой Уитли образ робкой девочки, начинающего следопыта Лесной Стражи.

Теперь она набралась опыта и отваги, забыла о том, что такое неуверенность и страх. Нет, она совершенно не боялась Бранда – да и с какой стати ей его бояться?

– Я слышала, барон Боса уже успел отправиться дальше, – продолжила Уитли.

– Точно так, – ответил герцог. – Он сказал, что его ждет большой улов возле Холодного побережья. Прошел слух о том, что к нашим берегам направляется новый большой флот бастийцев, и Боса решил не терять времени попусту. Я очень благодарен лорду-киту и его флоту за своевременное появление в заливе Калико. Не приди он нам на помощь, одному Бренну известно, что случилось бы с моим народом и моей страной.

– Вы упомянули о флоте барона Босы, ваша светлость, но на самом деле это были корабли Волка. Барон – один из людей Дрю, присягнувший на верность законному королю Вестланда.

– Но почему же сам этот король-волк не кажет нам своего лица? Чем я не заслужил чести быть удостоенным внимания легендарного сына Вергара, который стал первопричиной этой ужасной войны?

– Лорд Дрю нужен всем и очень занят, – ответила Уитли. Она чувствовала, что и в ней самой постепенно нарастает раздражение. Можно подумать, ей самой хотелось разделить с Дрю! Но, увы... Обстоятельства сложились так, что им пришлось разойтись по разным путям-дорогам. – В настоящее время он спешит под всеми парусами к берегам пустынной земли, Омира, а меня он направил сюда, в Калико, для переговоров с только что получившими свободу лордами Лонграйдингса. Отсюда мой путь лежит на север, ваша светлость. Я направляюсь в Стурмланд, где меня ожидает встреча с нашими врагами.

– Ваши враги – это ваши проблемы, миледи, – сказал лорд-бык. – А мы этой войной сыты по горло. Вы спешите на север? Примите мое благословение.

Уитли удивленно раскрыла глаза.

– Я приплыла сюда вовсе не за вашим благословением, ваша светлость, – вспыхнула она. – Мне нужны солдаты.

– У вас есть свои солдаты, я же видел, – ответил Бранд. – Я не вижу никакой необходимости давать вам еще и моих людей.

– Для нас каждый солдат на вес золота, – сказала Уитли. – Мы собираем под свои знамена всех, кто может помочь нам одержать победу. Как вы сами видели, к нам примкнули даже бастийские солдаты, готовые сражаться с нами плечом к плечу против нашего общего врага.

– Бастийцы приплыли из-за моря, чтобы воевать за Лиссию? – фыркнул герцог Бранд. – И вы полагаете, что это решит все проблемы? Сомневаюсь. Армия красных плащей короля-льва Лукаса и золотошлемники лорда Оникса по-прежнему держат в своих руках все Семи-земелье. Неужели вы надеетесь победить их с помощью своих тигрят?

– Да, пожалуй, неистовые «тигрята», как вы их называете, всех наших проблем не решат, – сказала Уитли. Она стиснула кулаки и сделала еще один шаг навстречу Бранду. – Но капли собираются в реки, а реки – в моря. Еще раз повторяю, нам нужна помощь всех, кто желает видеть Лиссию свободной.

Бранд отмахнулся своей громадной ручищей и ответил:

– Вы направляетесь на север в компании своих южных друзей? Ступайте, милая леди, ступайте. Лонграйдингс никогда не хотел принимать участия в войне, которую развязал Волк. Если нас и втянули в нее, то это было сделано против нашей воли.

– Эта война была неизбежна, независимо от того, появился в Вестланде Дрю или нет. Истинной причиной вторжения бастийцев был король Леопольд, и только он.

– Но вторгшиеся бастийцы сейчас сами переживают кризис, вы сами об этом сказали. Лорды-коты разделились, их армия рушится на глазах. Отдайте Льву Вестланд, и...

– Вы в самом деле думаете, что Лукас успокоится, получив в свои руки лишь небольшую часть нашего континента? Нет, он хочет владеть всем, как хочет этого и Оникс. Да, наши враги разделились, но цель у них остается прежней – власть над всей Лиссией. Всей, вы понимаете? И над вашим... занюханным Лонграйдингсом тоже!

– Следите за своими манерами, деточка, – прогремел герцог. – Не думаю, что вашему отцу понравилось бы то, как вы себя ведете в приличном обществе!

– В данный момент я не вижу вокруг себя приличного общества, – огрызнулась Уитли, обводя взглядом притихшее Стойло.

– Наглая маленькая ведьма! – грохнул по столу кулаком герцог Бранд. – Явилась ко мне в дом и говорит такое... Такое... Неслыханно! – брови лорда-быка разбегались в стороны, на его висках появились и начали стремительно вырастать могучие острые рога. Придворные заахали, попятились к стенам, даже Рэнсом, и тот отступил на шаг назад, когда перед ними вырос громадный разъяренный бык. Лишь Уитли не шелохнулась, продолжала яростно сверлить глазами герцога, хотя, по правде сказать, и у нее сердце екнуло. «Может быть, мне стоило все же сильнее опасаться этого старого Быка?» – мелькнуло у нее в голове.

Бранд ухватился руками за край тяжеленного стола, рывком отодвинул его в сторону – эта высокомерная девчонка-выскочка из Брекенхольма действительно достала его до печени. Герцог переступил на своих трансформировавшихся ногах – звонко, как сталь, ударили по каменным плитам пола огромные копыта.

– Мне кажется, вы забыли, ваша светлость, что должны быть благодарны лорду Дрю, и только ему, за полученную вами свободу. Это флот Волка пришел вам на помощь и разгромил в бухте Калико флот адмирала Скорпио. Вы забыли о том, что ваши люди умирали от голода, пока сюда не явился барон Боса и не снял с вашего города блокаду! Кто одержал эту победу?

Герцог попытался наброситься на Уитли, и теперь она уже не стояла на месте, но легко танцевала вокруг неуклюжего Быка, ловко ускользая от него, делая Бранда посмешищем на глазах его испуганно притихших придворных. Из толпы донеслись истеричные крики фрейлин, началось какое-то движение у входа в Стойло, но Уитли было не до этого, все свое внимание она сосредоточила сейчас только на герцоге и его грозных рогах.

– Так-то вы собираетесь выиграть эту войну, герцог Бранд? – кричала Уитли. – Трусливо отсидевшись за своими толстыми стенами? Будете ждать и дрожать от страха, пока другие будут отдавать свои жизни за вашу свободу и ваше благополучие? – Она на секунду повернула голову к собравшейся в Стойле толпе и спросила: – А что скажут мне другие лорды Лонграйдингса? Бык из Калико пообещает дать вам надежное убежище, и вы с радостью примете его предложение? Станете лизать ему копыта? Неужели среди вас нет ни одного храбреца, готового прийти нам на помощь? Кто вы – гордые кони или ручные пони?

– Заткнись, девчонка! – проревел лорд-бык и громко притопнул своим копытом. – Замолчи немедленно, или я...

– Что или? – прорычала в ответ Уитли. Ее тело стремительно начало покрываться густой рыже-коричневой шерстью. – Нападешь на меня? Давай! Наверное, ты со мной справишься, ведь я всего лишь девушка. Конечно, как тебе со мной не справиться, ведь ты вон

какой верзила! Но, – добавила она, выставляя вперед свои острые когти, – и у тебя останется кое-что на память о нашей встрече, это я тебе обещаю!

Лорд-бык бросился на Уитли. Она высоко подпрыгнула и вцепилась в голову Бранда. Бык и Медведица в обнимку повалились на пол, покатались по Стойлу под испуганные крики придворных. Уитли напрягла все свои силы, и ей удалось броском повалить Быка на спину. Бранд отчаянно бил копытами, вырывался, а когда это ему наконец удалось, он по инерции заскользил по полу до самой стены и врезался в нее так, что со стен Стойла посыпалась штукатурка. Ошеломленно трясая головой, Бык поднялся на ноги и крикнул своим охранникам:

– Топор! Бросьте мне топор! Немедленно!

Но прежде, чем кто-нибудь из солдат успел исполнить его приказание, из толпы вырвался и бросился к сражающимся верлордам молодой лорд-конь с белой гривой. Он уже почти полностью трансформировался и был готов включиться в драку.

– Вы с ума сошли, герцог Бранд? – крикнул лорд-конь, опалая Быка своим взглядом и бешено раздувая ноздри. – Неужели я вернулся к вашему двору только для того, чтобы увидеть, как вы расправляетесь со своей гостьей? Позор!

– Она мне не гостья, – проревел Бык, глядя налитыми кровью глазами на лорда-коня, успевшего занять позицию между ним и Уитли. – Отойди в сторону, Конрад.

– Отойти? Зачем? Чтобы вы могли ее убить? – спросил лорд-конь.

– Нет, чтобы я мог вышвырнуть ее прочь из своего города! – ответил Бранд.

– А потом вы так же вышвырнете отсюда и меня, и моих братьев, – уже спокойнее заметил Конрад, постепенно возвращая себе человеческий облик. – Уитли – друг народу Лонграйдингса. Она наша союзница.

– Она твоя подруга и союзница, мой юный конь.

– Нет, наша, – повторил Конрад, указывая рукой на девушку, с тела которой тоже постепенно начал пропадать бурый мех. – Медведи из Брекенхольма понесли потерь в этой войне больше, чем кто-либо другой, но они не сдались и продолжают сражаться. Я своими глазами видел, как король Лукас убил брата Уитли, видел и многих ее людей, лежавших убитыми на улицах Кейп Гала. Это им мы обязаны своей свободой, ваша светлость. Поэтому не нужно обходиться с ней так, как вы это делаете. И помните, что Волк – наш верный союзник.

– Ваш союзник – может быть, – проворчал Бранд, постепенно возвращая себе человеческий облик. С кирпичной стены у него за спиной продолжала осыпаться штукатурка. – Но не мой. Ты помнишь моего сына, девочка?

– Н-нет, – неуверенно покачала головой Уитли. Она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь встречалась с ним. – Пожалуй, нет.

– Он находился на попечении барона Эвана, лорда-барана из Хаггарда. Мой дорогой, мой милый Дорн, совсем еще мальчик. А потом он встретил Волка. Смерть не заставила себя долго ждать, Медведица. Дорн выступил на стороне Дрю Феррана и погиб из-за его волчьих проблем. Я никогда не прощу Волку того, что случилось с моим сыном.

Уитли порылась в памяти, и в ней начали всплывать воспоминания – смутные, далекие. Гибель лорда Дорна прочно затерялась среди длинной череды других, не менее трагических смертей, свидетельницей которых ей довелось стать за последнее время. Но теперь она кое-что действительно припомнила. Да, был такой юный лорд-бычок Дорн, который помогал Дрю освободить заключенных из тюрьмы лорда-козла Кесслара в Хаггарде. И Дорн действительно погиб, сражаясь рядом с Волком. Совсем мальчишкой был этот Дорн, примерно одного возраста с Дрю.

– Отправляйся вместе с ней, если считаешь это своим долгом, Конрад, – тусклым голосом сказал Бранд, оставаясь стоять возле стены. – Забирай своих братьев-жеребцов и уходи. А на меня вам рассчитывать не стоит. Я вашему Волку не обязан ничем.

Глава 2

Обаятельный враг

Дрю Ферран смотрелся в висящее на стене потемневшее и облупившееся от времени зеркало. Корабль слегка покачивался на волнах, от этого поскрипывали подвешенные к потолку лампы и тихо позванивали болтающиеся рядом с ними колокольчики. Их вместе с другими экзотическими вещицами капитан «Мальстрема» годами собирал в самых разных уголках Семиземелья, теперь ими была забита почти вся его каюта. Как уже было сказано, зеркало оставляло желать лучшего, но это не мешало рассмотреть в нем уже, пожалуй, не юношу, но молодого человека с густыми, отросшими до плеч, темными волосами (давно пора было их подстричь!), пробившимися (жиденькими пока еще) усами, начинающейся бородкой и потемневшим от загара и соленых ветров (как у настоящего морского волка) лицом.

Неужели с тех пор, когда началось его нескончаемое путешествие, прошло уже почти два года? Невероятно! Дрю закрыл глаза и мысленно перенесся на ферму, где он вырос, вспомнил ту ночь, когда в нем впервые пробудился Зверь.

Он тряхнул головой и болезненно поморщился, когда в памяти промелькнул образ матери, горло которой растерзал чудовищный лорд-крыса Ванмортен. Да, много с тех пор воды утекло, и Дрю сильно изменился. Впрочем, не он один. А что произошло с его старым другом, бароном Гектором из Редмайра? Когда Дрю оставлял робкого «книжника» Гектора в Хайклиффе, он рассчитывал на то, что его друг будет там в безопасности. Как бы не так! Гектор свернул с прямого магистерского пути, увлекся некромантией, а занятия черной магией, в свою очередь, завели его на север, в Айсгарден. Остается ли он там до сих пор? И действительно ли Гектор превратился в такое чудовище, как о нем говорят теперь повсюду?

Открыв глаза, Дрю обнаружил, что в капитанской каюте он больше не один. В мутном зеркале появилось искривленное отражение графа Веги, который стоял сейчас за плечом Дрю.

– Великий Соша! Можно подумать, что мы с тобой родственники! – рассмеявшись, воскликнул граф и потрепал Дрю по его густым растрепанным волосам. Дрю подумал, что Вега, в общем-то, прав – они с графом стали похожи друг на друга. Два соленых морских волка.

– Претендуешь на то, чтобы называться моим отцом? – в шутку спросил Дрю.

– Нет, скорее на то, чтобы быть твоим красивым, неотразимым для женщин, братом. Чуть-чуть постарше тебя, – ответил Вега и хлопнул юношу по плечу. – Пойдем. Тебя ждут наверху.

Они поднялись по трапу и сразу окунулись в нестерпимую жару. По политой водой, побелевшей от палящих лучей палубе «Мальстрема» скакали солнечные зайчики. Укрыться от солнца на палубе было негде, поэтому Дрю немедленно прикрыл голову и лицо омирской куфией – повязкой из легкой хлопчатобумажной ткани. С тех пор как «Мальстрем» вышел в море Сабель, такие куфии носил практически весь экипаж пиратского судна – они чудно спасали от зноя, который становился особенно невыносимым ближе к полудню.

Правда, была еще одна причина, заставлявшая Дрю надевать на палубе куфию. «Мальстрем» сейчас стоял на якоре в гавани Денджи, на виду других кораблей, зашедших в Кровавый залив – Блади Бей. Если кто-то из союзников Льва заметит Дрю на палубе и узнает его, предстоящая битва закончится неудачей, даже не успев начаться.

Кстати говоря, от посторонних глаз скрывался не только Дрю. Сам «Мальстрем» тоже замаскировался – матросы заменили его белоснежные паруса какими-то рваными грязными тряпками, разбросали по всей палубе рыбацкие сети и ловушки для лобстеров, скрыли под

холстом и криво прибитыми рейками оружейные люки. В этом маскарадном «наряде» красавец-флагман пиратского флота с островов Кластер стал выглядеть потрепанным, неряшливым рыбацким судном, невзрачным и неприметным во всех отношениях. Еще три судна, входивших во флотилию Дрю, стояли на якоре ближе к берегу и были замаскированы таким же образом. В бастийском порту Фелос на борт четырех кораблей поднялось в общей сложности двести Фурий – одетых в кожаные кирасы воинов Тигра. Сейчас они сидели, спрятавшись в трюмах, потели и терпеливо ждали, когда придет их час выйти на сцену. Ждали начала кровавой схватки.

На палубу «Мальстрема» недавно подняли шлюпку, с нее до сих пор стекала вода, моментально высыхавшая на раскаленной от солнца палубе. На корме стояла Опал, леди-пантера из Баста, ее темная фигура почти полностью тонула в тени бизань-мачты. Из прорези куфии ярко блестели зеленые глаза Пантеры, которыми она внимательно осматривала гавань омирского порта Денджи. Опал и первый помощник капитана, Фиггис, только что возвратились на сохнувшей сейчас шлюпке с берега, где прогулялись по портовым кабакам. В данный момент Фиггис о чем-то говорил Опал, энергично жестикулируя и то и дело указывая своим костистым пальцем в сторону города, а неподалеку от них стоял Флоримо.

Старому штурману очень шел омирский цветастый шелковый халат. На голове у лорда-крачки красовалась не куфия, а яркая бандана с торчащим из нее огромным розовым пером. Рядом с Флоримо, присев на корточки, расположился самый юный член экипажа – Каспер; он внимательно изучал разложенную на палубе карту местного побережья. Юнга лишь недавно открыл для себя, что он не человек, а верлорд-ястреб, сын Веги и леди-ястреба. Правда, ни имени своей матери, ни ее судьбы Каспер до сих пор не знал. Все последнее время он под доброжелательным руководством старого Флоримо постепенно осваивал свой дар лорда-ястреба – его отец, лорд-акула Вега, научить сына «птичьим» премудростям, разумеется, не мог.

– Что вам удалось узнать в Денджи? – спросил Дрю, подходя к Опал и укрываясь вместе с ней в тени мачты. – Все действительно так плохо, как выглядит со стороны?

– Нет, гораздо хуже, – медовым голосом промурлыкала в ответ Опал. – Денджи больше не нейтральный порт. Его объявила своим городом Хайфа, леди-гиена из Роу-Шена.

– Теперь Хайфа держит под своим контролем дорогу на Азру, милорд, – добавил Фиггис. – Лордов-псов по ней пропускают довольно охотно, но даже одного Шакала во всем Денджи вы уже не встретите.

Сказочный город Азра принадлежал королю Фейсалу, лорду-шакалу из Омира. Это была настоящая жемчужина Пустынной земли Омир, которую леди Хайфа давным-давно мечтала заполучить в свои лапы. И правительница Роу-Шена, ясное дело, не остановится ни перед чем, пока не добьется своего. А если учесть, что севернее Азры, до самого ущелья Бейна, все земли захватил союзник Хайфы, лорд Канан со своими Псами, положение Фейсала можно было вообще считать почти безнадежным. Если дорога, ведущая от Денджи к Азре, перешла под контроль Хайфы, то на шею Фейсала наброшена удавка, которую остается лишь затянуть потуже.

– Похоже, что Хайфа и лорд Канан собираются поделить между собой весь Омир, – продолжал Фиггис. – Им осталось лишь выкурить Шакалов из Азры, и дело с концом.

– Единственная хорошая новость – это отсутствие моих бастийских родственников, – сказала Опал. – Фельдмаршал Тиас застрял со своей армией дальше к северу, пытается блокировать Шакалов в ущелье Бейна.

На северном краю Омира, там, где из песка вырастают к небу горы Бейрбоунс, между их крутыми каменными пиками лежит ущелье Бейна – единственный узкий проход, по которому можно попасть на противоположную сторону горной гряды. Много-много лет назад предки Фейсала объявили это ущелье своим и заложили поселение, которое называлось,

как и само ущелье, – Бейна и должно было служить пограничным укреплением и приютом для путешественников, желающих попасть в Пустынную землю. Шло время, и поселение Бейна превратилось в настоящий город, врезанный в каменный горный склон и выходящий на раскинувшееся внизу под ним ущелье. Когда лорды-псы объединили свои силы с лордами-котами из Баста, именно по этому городу-крепости они и нанесли свой самый первый удар. При этом фельдмаршал лорд-тигр Тиас стремился к тому, чтобы все ущелье перешло под контроль лорда Оникса, а лорд-пес Канан хотел прежде всего вырезать до единого всех живших в городе Шакалов. Но, так или иначе, с самого начала войны город Бейна оказался в осаде и оставался в ней до сих пор.

– Да, дела, – вздохнул Дрю, почесывая свой покрытый щетиной подбородок. – А что вам удалось узнать о самой Азре? Когда я покидал Азру, к городу на помощь Шакалам направлялись лорды-ястребы, но это было давно, еще в начале зимы. Я надеялся, что с помощью Ястребов Шакалы смогут удержать свой город, как бы ни старались лорды-коты.

– Похоже, что все обстоит совсем не так, – ответила Опал, и в ее голосе прозвучала едва уловимая нотка гордости «за своих». – Азра окружена сейчас армией Хайфы, а Тиас и Канан уже давно мутузят ваших Ястребов далеко на севере. Судя по всему, Фейсал считал стены своей Азры неприступными, был уверен в полной безопасности города и потому послал Ястребов на выручку Шакалам, которых осадили Тиас и Канан. Таким образом, Ястребы улетели к ущелью Бейна и унесли на своих крыльях лучших воинов омирского короля. Вероятно, Фейсал и Ястребы рассчитывали легко, с наскока, освободить попавших в осаду Шакалов. Короче говоря, Ястребы полетели за быстрой победой – думали, что для этого им достаточно будет снести голову нескольким зарвавшимся лордам-псам, посмевающим протянуть к городу Бейна свои грязные лапы. Но не тут-то было! Прилетев к ущелью Бейна, Ястребы и элитные воины Фейсала столкнулись с мощной бастийской армией фельдмаршала Тиаса.

– Хочется верить, что мои улетевшие на север друзья все еще живы, – сказал Дрю. – Я обещал им, что обязательно вернусь.

– Я видела оружие, которое имелось в распоряжении Тиаса, когда он покидал Стурмланд, готовясь вывести свою армию на Большую Западную дорогу, – загадочно объявила леди-пантера своим мелодичным голосом.

– Что еще за оружие? – резко спросил Вега, которого, как всегда, раздражала привычка Опал драматизировать все, о чем она говорила.

– Ну, Джипсийские грифы, например, – заносчиво ответила Опал.

Дрю наблюдал за их перепалкой со стороны, отмечая ту скрытую напряженность, которая всегда присутствовала в разговоре Веги и Опал. В свое время, когда леди-пантера оставалась пленницей на его судне, лорд-акула совершенно беззастенчиво шантажировал ее и вынудил Опал выдать ему все тайные коды для беспрепятственного прохода через бастийские воды. Свое слово Вега при этом сдержал и отправился прямиком на родину Опал, в Брагу, спасать ее детей, а сама леди-пантера повела Дрю в столицу лордов-котов, в город Леос. Целью Дрю было расколоть с помощью леди-пантеры высший бастийский орган власти – Совет старейшин, а задачей Веги было выкрасть детей Опал и переправить их в безопасное место, на попечение Тигров из Фелоса. Таковы были условия договоренности между Акулой и Пантерой, и обе миссии оказались успешными. Бастийцы перестали быть единой силой, Львы, Пантеры и Тигры теперь враждовали друг с другом, стали каждый сам за себя. Что же касается детей Опал, то ее любимые котята резвились сейчас под бдительным оком Тигров, за неприступными стенами Фелоса. Впрочем, за то, что Вега спас ее детей, любить его сильнее Опал не стала. Точнее сказать, не стала его ненавидеть меньше, чем прежде.

– Джипсийские грифы? – переспросил Дрю, пытаясь понять, о чем, собственно, идет речь.

– Да, с Джипсийского плато в центре Баста, – кивнула Опал. – Оно поднимается над джунглями. Огромное плато, целых три тысячи километров в поперечнике. Или четыре. Унылое, жуткое место, одни голые камни, но наши лорды-грифы зовут его своим домом.

– А по силе Грифы не уступают нашим лордам-ястребам?

– Не уступают? Превосходят, если учесть к тому же, что наших Грифов гораздо больше, чем ваших Ястребов. Так что если вы надеетесь, что Ястребы возьмут под свой контроль небо над Бейрбоунсом и помогут вам выиграть эту войну, то, боюсь, это напрасные мечты, лорд-волк.

– Лучше просто Дрю, Опал, – натянуто улыбнулся он. – Лорд-волк звучит как-то уж слишком сухо.

– Но я связана не с каким-то Дрю, а именно с лордом-волком, и только до тех пор, пока не будет закончена моя работа.

– Ты говоришь так, будто мы с тобой заключили деловое соглашение, – заметил Вега и попробовал рассмеяться, но смешок у него получился таким же сухим, как окружавший их полуденный раскаленный воздух.

– А это и есть деловое соглашение, – огрызнулась Опал. – Причем вынужденное. По своей воле я никогда не встала бы на сторону лиссийцев, ты сам это знаешь, лорд-акула. Ты заставил меня пойти на это соглашение, пригрозив в противном случае убить моих детей. Впрочем, ладно, что сделано, то сделано. Сейчас мы все вместе сражаемся против Львов и моих самых близких родственников, Пантер. Сейчас мы с вами союзники, но, когда все закончится, когда осядет поднятая в воздух пыль и высохнет пролитая на песок кровь...

Опал не стала договаривать, лишь выразительно провела себе большим пальцем по горлу. Дрю нервно сглотнул и облизнул свои пересохшие губы.

– Хватит выпендриваться, Опал, – сказал Вега. – Ты сама очень красочно рассказывала нам о правилах, которые приняты у вас в Басте. О том, как лорды-коты на протяжении последних шестидесяти лет похищают со всего континента детей других верлордов, чтобы вынудить их тем самым подчиняться Котам. Так что можешь считать, что тебе повезло – твои дети живы, здоровы, в целости и сохранности.

В ответ леди-пантера злобно фыркнула, а лорд-акула обернулся к Фиггису.

– Еще какие-нибудь новости принес, приятель?

– Скорее слухи, капитан. В порту шепчутся о том, что в Лиссию плывет бастийский флот. Очевидно, частью этого флота считают и наши собственные корабли, однако совершенно определенно утверждают, что одну эскадру возглавляет Верховный лорд Оба, а другую Верховный лорд Леон. Впрочем, о том, что Пантера и Лев отправятся через море в Лиссию, мы и сами догадывались.

– Возможно, они направляются напрямик в Хайклифф, – предположил Дрю.

– Оба? – хмыкнул Вега. – Маловероятно. Теперь Львы Пантерам не товарищи. Если они едва не сцепились друг с другом прямо в Белом море, то и для высадки будут искать разные порты. Кроме того, Хайклифф – недостаточно большой город, чтобы вместить армии двух враждующих между собой Котов. Поскольку в здешних водах нет ни малейшего следа моего старого приятеля, барона Босы, можно надеяться на то, что он еще потреплет нервы и Обе, и Леону. А отсюда вытекает один интересный вопрос: где нам самим высаживаться на берег? – С этими словами Вега повернулся к лорду-крачке и продолжил: – Флоримо, дорогой мой, тебе удалось подыскать что-нибудь интересное? Какое-нибудь славное местечко неподалеку от Роу-Пеша, откуда мы могли бы двинуться к ущелью Бейна?

Штурман недавно возвратился из своего разведывательного полета, во время которого он осматривал берег в поисках места, откуда можно без лишнего шума проникнуть в Омир.

Флоримо отсутствовал на борту две ночи подряд – вел разведку при свете звезд, когда его не могли заметить ни жители Пустынной земли, ни матросы с плывущих по морю Сабель судов.

– Боюсь, что к северу от Роу-Пеша никто нас с распростертыми объятиями не ждет, граф Вега. У Красного побережья собрались остатки флота адмирала Скорпио. Вдоль всего прибрежного мелководья стоят на якоре его уцелевшие суда с верными Басту экипажами и солдатами на борту.

– Боса славно отделал Скорпио в заливе Калико, – вставил Дрю. – Теперь Морскому ежу придется долго зализывать раны, которые он получил от нашего Кита.

– Значит, безопасного места для высадки нет? – спросил Вега.

– В Омире нет, милорд, – ответил Флоримо. – Даже если не принимать во внимание уцелевшие корабли Скорпио, вдоль побережья сосредоточено очень много вражеских сил. Я видел походные лагеря лордов-псов, они растянулись вдоль всей дороги от побережья Роу-Пеша до самого ущелья Бейна.

– Но вход все-таки должен быть, – сказал Дрю. – Должно найтись какое-то место, которое не охраняется ни лордами-псами, ни бастийцами.

– Если есть такое место, значит, я его не разглядел, – вздохнул Флоримо и виновато улыбнулся. Будто лорд-крачка мог чего-то не заметить! С его самым острым во всей Лиссии зрением? Но, несмотря на это, Дрю все же сказал:

– Будем продолжать поиски такого места. Готов биться об заклад, что в этом нам сможет помочь кто-нибудь из капитанов-бастийцев. Полагаю, мы получим ответ на многие наши вопросы, если сумеем захватить одно из стоящих у побережья уцелевших судов Скорпио.

– Ты предлагаешь атаковать один из кораблей Скорпио? – переспросил Вега.

– Вполне вероятно, что удастся сделать это тихо, без абордажа, пальбы и прочих ужасов, – успокаивающим тоном заметил Флоримо.

– Без хорошей потасовки? Жаль, если будет именно так, – перебил его Вега, после чего лорд-крачка продолжил свою мысль:

– Как я уже говорил, уцелевшие суда Скорпио разбросаны вдоль побережья и стоят на якоре по одному. Вряд ли такое судно-одиночка станет сопротивляться, когда мы навалимся на него вчетвером.

– Вдвоем, – поправил его Дрю.

– Не могу сказать, что я силен в математике, – сказал Вега, – однако мне казалось, что у нас четыре корабля.

– С математикой все просто, – пояснил Дрю. – К Красному побережью направятся два наших корабля. Остальные два уйдут в Азру. Что поделаешь, нам придется сражаться на два фронта.

– Разве я не говорила о том, что Денджи перешел под контроль леди Хайфы? – сказала Опал. – Если мы даже попадем в этот город, то никогда из него не выберемся. Гиена контролирует и дорогу, и каждый клочок земли вокруг Азры.

– Каждый клочок земли – возможно, но не каждый же сантиметр реки?

– Поясните, пожалуйста, свою мысль, лорд-волк, – сухо попросила Опал.

Дрю указал рукой на запад, за пределы порта, и ответил:

– В прошлом году я уже побывал здесь, тогда же, кстати, и познакомился с королем Фейсалом. Вы подниметесь вверх по Серебряной реке, доберетесь до маленького порта Каза. Он находится совсем недалеко от столицы Шакалов. Будем надеяться, что там вы сумеете высадиться на берег.

– Ну, высадимся, а дальше что? – фыркнула Опал. – Пойдем погибать от руки Псов и Гиен? Я уже говорила вам и повторю еще раз: Азра потеряна. Советую вам не дробить силы

и целиком направить их на север, если предполагается нанести удар по ущелью Бейна. Из этого хоть какой-то толк может выйти, – пессимистично закончила она.

– А я уже говорил и снова повторю, что не бросаю своих друзей, – ответил Дрю. – Я обещал королю Фейсалу и жителям Омира, что сделаю свободными народы всего Семиземелья. Поклялся, что свергну тиранию Котов и их союзников. Поклялся – значит, сделаю.

Дрю приблизился на шаг к Опал, приоткрыв куфию так, чтобы Пантера могла видеть его лицо, и негромко заговорил:

– Ты поклялась служить мне в эти трудные дни, не так ли, Опал? Время владычества лордов-котов истекло, их союз навек разрушен. Твой собственный брат и отец много лет плели заговоры и интриги против своих же собратьев-котов. И ты, между прочим, сама тоже принимала в этом участие. Но теперь ты на стороне Верховного лорда Тигары, а Тигара воюет на моей стороне. Знаешь, Опал, я не хочу упрашивать тебя и не собираюсь тебе приказывать. Просто прошу – покажи, что ты, в отличие от своих братьев из Браги, еще помнишь, что такое честь и благородство. Сражайся на моей стороне, Опал. Помоги мне разорвать удавку, которую накинута на шею Шакалам враги. Я буду ждать тебя в Бейна. Когда ты закончишь операцию здесь, в Азре, твоя помощь очень потребуется мне там, на севере.

Злой огонек в глазах Опал пошел на убыль, затем совершенно погас, и Пантера медленно кивнула головой.

– Я согласна взять два судна и пойти на них вверх по реке, – сказала она. – Неистовые тигрята против такой вылазки возражать не станут, у них давно руки чешутся. Компанию мне составит лорд Чолло.

Чолло, лорд-гепард из Тиза, ожидавший Опал на другом корабле, был тесно связан с охватившей весь Баст смутой. Вскрылась ужасная, огромная сеть кровавых преступлений и предательств. На протяжении долгого времени Чолло оставался верным союзником Тигары. Гепарды и Тигры считали себя братьями. Когда Опал рассказала перед Советом старейшин правду о том, что много лет назад сын Чолло был убит ее собственным братом-пантерой Ониксом, это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Оникс убил сына Чолло на почве ревности, а затем обвинил в этом преступлении Табу, внучку лорда-тигра Тигары. Теперь лорд Чолло жаждал мести. Когда Оникс убил сына лорда Чолло, Табу была еще подростком, но это не помешало Совету старейшин признать ее виновной и приговорить к ссылке на вулканический остров Скория, где Табу предстояло стать гладиатором и сражаться за свою жизнь перед толпой зрителей, заполнявшей арену – печально известную Печь. Именно там Дрю впервые встретил юную Тигрицу, там началась их невероятная, на первый взгляд, дружба. Позднее Табу вместе с остальными вырвавшимися из Печи на свободу гладиаторами приплыла вместе с Дрю в Омир и включилась в войну. Теперь они (если были все еще живы) находились в осаде – либо в Азре, либо в Бейне, – и Дрю считал своим священным долгом освободить их.

– Мне кажется, это отличный план, – через силу улыбнулся Дрю, рассчитывая на ответную улыбку. Но улыбки от леди-пантеры так и не дождался.

– План как план, какой уж есть, – мрачно пробормотала Опал. – Лорд-акула, прикажи своему судну обогнуть косу. Чем скорее мы встретимся с лордом Чолло, тем лучше. Мне пора в путь.

– Видишь ли, Опал, – сказал Вега, кивнув Фиггису, который немедленно направился к штурвалу, – в отличие от моего дорогого присутствующего здесь друга, ничуть не возражаю против того, чтобы ты называла меня «лорд-акула». Называй, называй. Знаешь, мне кажется, что ты все-таки влюблена в меня. А что? Ничего удивительного, не ты первая. Я очень крупная рыба, лакомый улов для любой дамы...

Дрю наблюдал за тем, как матросы из экипажа «Мальстрема» поднимают якорь, как начинают наполняться легким ветром штопаные паруса на мачтах. Судно двинулось впе-

ред, медленно набирая ход. Флоримо встал у штурвала рядом с Фиггисом, подсказывал ему мелочи, которые успел рассмотреть с высоты своим острым птичьим зрением. А Вега тем временем продолжал свою словесную атаку на Опал, которая никуда не спешила уйти, слушала своего обаятельного врага и, казалось, была на грани капитуляции. Дрю оставалось лишь усмехнуться и покачать головой.

– Говорят, он умеет даже жемчужину уговорить, чтобы она вылезла из своей раковины, – заметил появившийся рядом с Дрю Каспер.

Юнга так горделиво выпячивал свою грудь, такими влюбленными глазами следил за Вегой, что Дрю невольно вспомнил своего отчима, Мака Феррана, который вырастил его как своего родного сына, но, к сожалению, слишком рано покинул этот мир – так же, как его приемная мать, Тили Ферран, и король Вергар, убитый задолго до того, как Дрю обнаружил, что он сам и есть давным-давно пропавший сын правителя. Касперу повезло – его отец был жив, и не стоит судить, насколько хорошим воспитателем был Вега для своего сына и чему он мог его научить.

– А мой старик умеет подкатить к любой дамочке, правда? – восторженно воскликнул Каспер.

Дрю потрепал Каспера по голове своей единственной рукой и ответил:

– Умеет. Только ему следует постоянно быть настороже – за такие штуки и убить могут. Легко.

Глава 3

Стальной вал

Честно говоря, он ожидал большего.

Сидевший в белом кожаном седле на спине угольно-черного жеребца Верховный лорд Оба обернулся назад и опустил ладонь на рукоять висевшего у него на бедре серебряного серпа. За его спиной протянулась бесконечная лента солдат в позолоченных шлемах с черным плюмажем. Солдаты шли нога в ногу, и от этого черные перья одновременно приподнимались, опускались и перекатывались, словно морские волны, вал за валом катящие вдоль Великой Западной дороги.

Когда они два дня тому назад приплыли в столицу Вестланда, Хайклифф, лорд-пантера Оба увидел перед собой охваченный паникой город, в котором был введен комендантский час. Королевские гвардейцы из местного гарнизона еще ничего не знали о том, что союз лордов-котов распался, и потому скромно склоняли головы перед Верховным лордом. Но из высших сановников встречать Обу не вышел никто – юный король Лукас был в отъезде, инспектировал свое войско, а сын Обы, Оникс, оставался со своей армией на севере, где заканчивал добивать упорно сопротивлявшихся ему стурмландцев.

Уведя свою армию на заснеженные склоны гор Уайтпикс, Зверь из Баста оголил Хайклифф, оставил столицу практически не защищенной, поэтому Обе не составило большого труда захватить город в свои руки. Ничего не понимающие красные плащи – гвардейцы Льва – покорно склоняли головы, пока солдаты Обы в золотых шлемах разоружали их, а затем конвоировали в Дом Преступников, старинную городскую тюрьму Хайклиффа. Так, очень быстро и легко, власть в столице Вестланда перешла в руки лорда-пантеры Обы.

После этого Оба со своими гвардейцами двинулся по Великой Западной дороге на поиски Оникса. Назвать солдат в золотых шлемах, которые высадились в Вестландии с Верховным лордом из Браги, всего лишь его личной охраной, было бы неправильно. По сути дела, это была самая настоящая личная армия Обы – свежая, хорошо подготовленная, рвущаяся в бой. С помощью этой армии Оба собирался дать своему сыну то, что тот давно заслужил – трон и корону короля всей Лиссии. В свое время Львы получили свой шанс править этой страной, но бездарно его упустили. Первый король-лев, Леопольд, доказал свою полную неспособность управлять Семиземельем, и тогда Пантеры подтолкнули юного Лукаса к тому, чтобы тот убил отца. Они надеялись на то, что этот переворот откроет новую, более удачную главу в истории страны. Увы. На деле оказалось, что одного сумасшедшего Льва на троне сменил другой, еще более буйный. Пантерам стало ясно, что теперь пробил их час. Весь мир готов к тому, чтобы спелыми яблоками упасть к их ногам.

Великая Западная дорога была грязной, разбитой, однако достаточно широкой, чтобы по ней могли двигаться шеренги по шесть человек. Окружающий пейзаж выглядел именно таким, как его описывали – пышные зеленые луга с небольшими купами деревьев и вырастающими кое-где из-под земли серыми скалами. Тихий, спокойный, прохладный мир, совершенно не похожий на жаркие, опасные, непроходимые джунгли Баста. Справа от дороги потянулся густой тенистый лесок, за которым показался склон невысокого пологого холма. «Идеальное место для охоты», – подумал Верховный лорд Оба. Он был заядлым охотником и уже мечтал о том, как славно поохотится в местных лесах и полях, когда закончится победой эта затянувшаяся война.

Рядом с Верховным лордом ехала горсточка оставшихся верными ему верлордов. Большая часть бастийских верлордов всех мастей и размеров – Мамонты, Обезьяны, Кобры, Крокодилы – ушла от своих Котов после того, как распался Совет Старейшин. И произошло все это из-за мальчишки-волка по имени Дрю Ферран и дочери Верховного лорда Обы, поганки

Опал. Может ли быть что-нибудь большее, чем узнать, что тебя предал один из самых близких и родных людей? С того момента Опал для Обы просто перестала существовать. Если же она еще раз попадется ему на глаза, он позаботится только об одном – чтобы она перестала существовать и для всего остального мира.

Оба снова посмотрел вперед, поднял глаза к слабому, анемичному солнцу. И это у лиссийцев считается летом! Лорд-пантера рассмеялся, затем покачал головой, возвращаясь мыслями к более чем скромной встрече, которую ему оказали по прибытию в Семиземелье. А ведь он послал впереди себя гонца, лорда-грифа Итакуса. Неужели этот нарочный затерялся на чужом континенте? Неужели ему оказалось так трудно, невозможно найти огромную армию Оникса? Оба ожидал, что сын встретит его с оркестром и помпой. Он предполагал, что по дороге в Дурные Земли его армию будет сопровождать почетный эскорт.

Да, Оба ожидал от этой встречи большего. Намного большего.

– Всыпьте им! – прошептал лорд Рейнхарт, и его сигнал был молча передан по цепи.

Из-за деревьев вылетел густой рой стрел и обрушился на центральную часть растянувшегося вдоль дороги бастийского войска. Затрещали, разлетаясь в стороны, кусты и подлесок – из темной лесной глубины вылетели, покатались вниз по пологому склону холма всадники. Их лошади, взрывая землю копытами, понеслись на растерявшихся солдат в золотых шлемах. Сотня Рыцарей Стормдейла волной сверкающей стали накатила на правый фланг неприятеля.

Какими бы прославленными и грозными ни были бастийские воины, они растерялись от неожиданности и с трудом пытались сохранить порядок в своих рядах, смешавшихся под натиском врезавшихся в них всадников.

С левой стороны пришедшей в замешательство колонны появился второй отряд лиссийских всадников – они вылетели из-за неприметной серой скалы. Этот кавалерийский отряд ударил колонну с тыла, разя пришельцев в золотых шлемах мечами и топча тяжелыми, подкованными железом конскими копытами. После того как всадники промчались по лугу, на освободившееся место вышли арбалетчики и принялись аккуратно, словно в тире, расстреливать запаниковавших бастийцев. Атака лиссийцев получилась неожиданной, стремительной и кровавой – громко ржали лошади, звенели щиты и мечи, кричали солдаты, трещали сломанные кости.

Рейнхарт был уже в самом центре схватки. На голове у него выросли мощные рога, которыми он протыкал и валил противников, добывая их своим мечом. Рядом с лордом из Стормдейла сражался еще один юный лорд-олень, тоже разил солдат-южан своими еще коротенькими и тонкими рогами. Впрочем, лиссийские лорды-олени не были единственными принимавшими участие в этом бою верлордами. В толпе дерущихся показалась огромная фигура бастийского лорда-бизона. Покачивая своей заплетенной в косички гривой, он яростно размахивал боевым топором и легко, словно кегли, валил на землю приближавшихся к нему всадников вместе с их конями. Показался также совсем молодой лорд-пантера. Хотя по размеру он был почти вдвое меньше знаменитого Зверя из Баста, храбрости и силы ему было не занимать, как, впрочем, и умения владеть мечом.

Рейнхарт направил своего коня навстречу Бизону, вскинул над головой меч, стараясь привлечь внимание монстра к себе. Это ему удалось, и вот уже тяжелый топор Бизона стремительно полетел в лицо Оленю. Рейнхарт успел выставить вперед меч. Зазвенела сталь, сверкнули искры. Хотя Рейнхарту удалось смягчить удар, он все же оказался настолько силен, что сбросил лорда-оленья из седла на землю.

Рейнхарт тряхнул головой, приходя в себя, и увидел обломившийся кончик собственного рога, лежащий в грязи в нескольких шагах от него.

Бизон в это время вновь занес над головой свое смертоносное оружие, Рейнхарт успел увернуться, и топор ударил по земле, оставив в ней длинную свежую борозду. Олень поднял свой меч, готовясь отразить следующий удар. Бизон нанес его, держа топор обеими мускулистыми руками, и настолько мощным был этот удар, что меч вылетел из рук Оленя, и оглушенный Рейнхарт вновь повалился на землю. Кровь из рассеченной брови затекла в уголок глаза, угрожая ослепить лорда-оленья. Бизон вновь занес над головой свой топор, на секунду заслонив солнечный диск его лезвием.

А в следующий миг Бизон выронил топор и издал булькающий крик. Вслед за боевым топором на землю рухнули обе его отрубленные по локоть руки. Бастийский верлорд взревел, повалился в гущу сражавшихся, а на его месте возник другой верлорд. Олень. Барон Хоффман – а это был он – протянул одну руку Рейнхарту, чтобы помочь ему подняться с земли, а другой продолжал стряхивать с меча кровь Бизона.

– Вставай, а то простудишься, племянник, – весело сказал Хоффман. И добавил, оглядываясь по сторонам: – Давай сначала работу закончим, а уж потом будем отдыхать.

– Спасибо тебе огромное, дядя! – воскликнул Рейнхарт и тоже принялся водить взглядом по сторонам. – А мой младший брат... Ты его не видел?

– Мило? – моментально встревожился Хоффман. – Я думал, он рядом с тобой.

– Был, – уныло ответил Рейнхарт. – Был.

А тем временем юноша, о котором только что говорили дядя с племянником, сумел просочиться сквозь толпу сражающихся рыцарей и солдат и оказался в нескольких метрах от командующего бастийской армией.

К этому моменту Мило был пешим, своего коня он потерял еще в самом начале сражения. Предполагалось, что Мило будет держаться позади брата, под присмотром проверенных, надежных рыцарей. Но, как всегда, слепой случай разрушает планы, которые строит человек. На этот раз роль случая сыграла кроличья нора, в которую попал конь Мило и сломал себе ногу. Мило вылетел из седла и с грохотом приземлился чуть ли не под ноги группы солдат в золотых шлемах. Маленький, жалкий в своем испачканном грязью сером плаще, он показался воинам-южанам слишком незначительной целью, чтобы тратить на нее время, и они, вместо того чтобы походя расправиться с Мило, поспешили навстречу «настоящим» противникам.

Мило немного постоял на месте, а затем осторожно двинулся вперед, выискивая возможность проявить себя. До чего же Мило надоело, что его все считают маленьким! Как давно он мечтал о том, чтобы совершить подвиг, который станет легендарным и войдет в историю! Но что мечтать об этом, когда у тебя такой старший брат, как Рейнхарт, опекающий, словно курица цыпленка, укрывающий от любой, даже самой малой, опасности. Спасибо еще, что кроме старшего брата у него есть двоюродный дедушка, барон Хоффман. Вот он-то как раз понимает желание тринадцатилетнего Мило проявить себя. Дедушка Хоффман любит повторять, что в жизни каждого рыцаря наступает момент, когда ему необходимо что-то доказать, причем не кому-нибудь, а в первую очередь самому себе. Он умница, дедушка Хоффман.

Размышляя таким образом, Мило осторожно пробрался среди сражающихся друг с другом мужчин и вплотную приблизился к командиру бастийского легиона.

С первого взгляда было понятно, что этот могучий мужик у них тут самый главный. Командир золотошлемников сидел верхом на громадном черном коне, который всхрапывал, косил глазом и бил землю своими тяжеленными копытами. Мило болезненно поморщился, увидев, как всадник буквально срубает своим серебряным серпом встречающихся ему врагов, и те падают под копыта его коня. Кожа у всадника была черной, блестела от пота и переливалась на солнце фиолетовым и лиловым.

В поясице черного рыцаря торчала стрела, еще одна засела у него в бедре, но он не обращал на них ни малейшего внимания и продолжал размахивать серпом, скаля свои острые кошачьи зубы. Таких высоких, двухметрового роста, людей, как этот, Мило не встречал еще ни разу в жизни. И таких смертельно опасных – тоже.

Юноша сдернул со своей головы капюшон, откинул в сторону правый край плаща, прикрывавший держащую меч руку. На лбу Мило уже проросли коротенькие острые рожки, которыми он очень гордился, потому что от рождения получил от Бренна этот дар – быть Оленем. Расстегнутый серый плащ Мило развевался на ветру, стала видна надетая под плащом нагрудная пластина с выбитой на полированной стали фигурой взлетевшего в высоком прыжке Оленя. В правой руке Мило держал свой короткий меч, который вдруг сделался неподъемно тяжелым, когда черный всадник заметил юношу и остановил на нем свой взгляд.

«Мило, сумасшедший, во что ты ввязался?» – мелькнуло в голове юного Оленя.

Только теперь Мило понял, насколько ужасной была ошибка, которую он совершил. Черный всадник хмыкнул, криво усмехнулся и развернул своего коня в сторону Мило. Только сейчас юноша рассмотрел на лице своего грозного противника длинные черные усы – они торчали в разные стороны и были похожи на толстые иголки. Глаза лорда-пантеры полыхнули зеленым огнем, приподнялась верхняя губа, показав острые, как ножи гильотины, клыки. Лорд Оба поднял в воздух свой серп, и это движение словно пробудило Мило от сна. Юноша рванулся вперед и взмахнул своим коротким мечом. Вообще-то Мило надеялся раскроить лорду-пантере бедро, но получилось так, что вместо бедра меч перерезал кожаные ремешки, которыми крепилось седло. Оно поехало в сторону, а черный всадник грохнулся на землю, прямо под ноги оторопевшего от неожиданности Мило.

Но долго праздновать победу юному Оленю не довелось. Мило охватил ужас, когда громадная когтистая лапа Пантеры взлетела вверх, к его подмышке, и ухватила край нагрудной пластины Оленя. Затрещали застежки, Оба сжал свою лапу в кулак, сминая стальную пластину, грозя сломать юному Оленю ребра. Мило судорожно втянул ртом воздух, а лорд-пантера тем временем упруго, по-кошачьи, встал на ноги. Юноша попытался ударить мечом державшую его лапу, но успел лишь отразить сверкнувший в воздухе огромный серебряный серп Пантеры. От этого удара меч вывалился из руки Мило, улетел куда-то в сторону и моментально затерялся в гуще сражения. Бастийский черный рыцарь подтянул Мило ближе к своим мощным челюстям и произнес:

– Ты, конечно, всего лишь сопляк, мой юный олененок, но из твоих рожек получится славный охотничий трофей. – Верховный лорд Оба усмехнулся и добавил: – Тебе выпала большая честь стать первым верлордом, которого я убью в Лиссии. Первым в длинном ряду...

Закончить свою пафосную речь лорду-пантере было не дано. Словно из воздуха, возник рыцарь и ударил своим мечом лорда Обу в предплечье. Хрустнули кости, и только толстая шкура Пантеры не позволила рыцарю снести его лапу напрочь. Тем не менее рана оказалась достаточно глубокой и болезненной. Хлынула кровь, и лорд-пантера выпустил Мило, схватился здоровой рукой за свою раненую, сломанную.

Теперь Оба смог окинуть взглядом ударившего его рыцаря. Тот был в таком же, как и все остальные рыцари, сером плаще, только очень потертом, заляпанном грязью и кровью. Да еще его шлем отличался от шлемов его товарищей из Стормдейла – он был сделан в виде маски Волка и скрывал лицо рыцаря за своими стальными, вытянутыми вперед челюстями. Тут рыцарь нанес мечом второй удар, на этот раз он пришелся плашмя по лицу Обы. Меч, который держал в своих руках рыцарь, был Вольфсхедом, с блестящими серебряными рунами на клинке.

– Поднимайся, Мило! – крикнул Трент Ферран (как вы наверняка поняли, именно он и был рыцарем с Вольфсхедом в руке). – Уматывай отсюда! Живо!

Его противник уже успел подняться и с ревом набросился на Трента. Лорд-пантера был намного старше и мощнее хрупкого юноши с Холодного побережья, но Трент был искуснее в бою. Держа Вольфсхед в обеих руках, Трент отбил первый удар Пантеры, отвел летящий серп в сторону. Лорд Оба согнул колено, вскинул свою ногу вверх и пнул юношу под ребра так, что у Трента перехватило дыхание. От удара Трент опустился на колени, но успел выставить меч вперед, целясь Пантере в пах – это слабое место у любого противника, будь он человек или оборотень. Оба перехватил своей раненой рукой запястье Трента, сжал кулак. Из раны потекла кровь, заскрипели перебитые кости, но рука юноши начала разжиматься.

И тут, к великому удивлению Пантеры, из-под волчьего шлема раздался утробный, громкий звериный вой. Тем временем пришедший в себя юный лорд-олень приблизился к Обе сзади, схватил его за плечи и несильно ткнул своими тонкими рогами покрытую мощными мускулами шею Пантеры. Оба повернулся, пытаясь отогнать вмешавшегося во взрослые игры щенка, и этого мига хватило рыцарю-волку, чтобы вскочить на ноги и самому броситься в бой. Он ударил Пантеру ногой, а затем вцепился своей раскрытой ладонью в лицо Верховного лорда из Браги. Пальцы рыцаря-волка легко прорвали толстую кожу Пантеры, оставляя за собой кровавые борозды.

Оба заревел от боли, запрокинул голову назад, мальчишка-олень выпустил плечи Пантеры и откатился в сторону. Затем Оба приложил обе руки – и здоровую, и сломанную – к своему разодранному в клочья, мокрому от крови лицу.

Трент схватил Мило за запястье, потянул мальчика прочь, увидев приближающихся к ним бастийцев. К счастью, сзади к Тренту и Мило уже спешили на помощь рыцари Стормдейла. Увидев их, золотошлемники начали отходить. Забрав с собой раненого лорда-пантеру, они потянулись к голове колонны, где их отход прикрывали всадники. Трент наблюдал за тем, как солдаты усаживают на коня багрового от гнева Обу. Верховный лорд из Браги продолжал реветь, мотал своей окровавленной головой, глядя на Трента. Юноша с Холодного побережья, брат короля Волка, перехватил взгляд Пантеры.

– Мы еще встретимся с тобой, рыцарь-волк! – крикнул Оба, когда его конь в сопровождении уцелевших гвардейцев в золотых шлемах тронулся с места и потрусил по Великой Западной дороге. Потери с обеих сторон оказались немалыми, но было совершенно ясно, что сегодня победа осталась за лордами-оленьями.

– Я буду ждать этой встречи, старый кот! – крикнул в ответ Трент, снимая с головы шлем. Пряди светлых волос прилипли к потному, испачканному грязью лицу юноши. Его подбородок покрывала жесткая золотистая щетина, глаза у Трента были красными и уставшими, как у больного. – Если захочешь встретиться, знай, что меня зовут Трент Ферран, и я брат Волка из Вестланда. Только спроси, и любой подскажет тебе, как меня найти.

Оба в окружении своих солдат уже спешил убраться подальше, не дожидаясь новой атаки рыцарей Стормдейла, но, покачиваясь в седле, по-прежнему не сводил глаз с юноши, который сумел так сильно его ранить.

– Ты приобрел себе серьезного врага, Трент, – заметил стоявший рядом с ним Мило.

– По-моему, на всем белом свете у меня только одни враги и остались, – устало ответил Трент.

– Ты не прав, – сказал Мило. – У тебя есть друзья, и они не оставят тебя. Никогда.

Трент через силу улыбнулся, хотел смахнуть пот с бровей и застыл, глядя на свою руку, которой он недавно разодрал лицо Пантере. Под ногтями застряли клочки вырванной кожи, а сами кончики пальцев были похожи скорее на когти, чем на ногти. Кожа Трента горела, как в огне, кровь бешено бурлила в жилах, наполняя его тело невероятной, нечеловеческой силой. Покусанный одним из Диких волков Лукаса, Трент заразился той же черной магией, которая превратила Лесовиков в зверей. День за днем Трент сам постепенно становился такой же ненавистной ему тварью. Сейчас он с ужасом думал о том, что ему предстоит пережить,

когда наступит момент следующего полнолуния – ведь именно в это время с ним, как и со всеми волками, происходили чудовищные перемены. Станут ли новые перемены необратимыми для него? Возможно, что и так. Трент сжал кулак и поспешно спрятал свою когтистую руку в складках плаща.

– Ты цел! – радостно воскликнул Рейнхарт, протискиваясь сквозь толпу своих измученных битвой солдат. Прихрамывая на одну ногу, он подошел к Мило, обнял его и добавил: – Слава Бренну!

– Слава Феррану! – сказал кто-то из солдат, похлопывая Трента по спине. – Если бы не рыцарь-волк, лорду Мило пришлось бы несладко.

Трент повернулся и застенчиво улыбнулся своим товарищам. Рейнхарт протянул ему свою раскрытую ладонь, и Трент был готов пожать ее, но вовремя одумался и только глубже спрятал свою руку под плащ. Вместо рукопожатия он ограничился тем, что поклонился лорду-олену.

– Я не совершил ничего особенного, милорд, – сказал Трент. – Его светлость оказался в опасности, и я просто вмешался, чтобы помочь ему.

– Ты обладаешь удивительной способностью очень вовремя приходить на помощь, – тепло улыбнулся Рейнхарт.

– Что верно, то верно, – добавил подъехавший к ним верхом на своей лошади Хоффман. – Ты столько раз помогал нам в самые трудные минуты, что я уже со счета сбился, парень. Знаешь, я очень рад, что ты воюешь на нашей стороне, а не на их.

Рыцари радостно зашумели, захлопали одетыми в боевые рукавицы ладонями, выкрикивая имя Трента. Юноша еще сильнее покраснел, продолжая провожать взглядом удалявшиеся вдоль по дороге остатки бастийского отряда.

– Я еще ни разу не встречал такого яростного бойца из числа людей, – восторженно сказал Рейнхарт. – Если бы я не знал, кто ты, Ферран, мог бы поклясться, что в тебе есть частица настоящего Волка!

Чувствуя во всем теле невыносимый зуд, Трент стиснул кулаки, до крови впился когтями в свои ладони и заставил себя улыбнуться. Если бы только его товарищи по оружию знали, как близки к истине эти слова! Улыбаясь, Трент старался не разжимать губ – меньше всего ему хотелось, чтобы кто-то из лордов – оленей увидел его волчьи клыки.

Глава 4

Упрямая пленница

Гретхен осторожно опустила ноги на земляной пол. Выпрямившись, она оперлась обеими руками о край лежанки и какое-то время неподвижно сидела, ожидая, когда у нее перестанет кружиться голова. В глазах мелькали искры, но постепенно зрение прояснилось, и леди-лисица смогла рассмотреть коричневую домотканую юбку, прикрывавшую ее правую, раненую ногу. Приподняв ткань, Гретхен увидела на своей лодыжке шрам – полученная от укуса Дикого волка рана была зашита не очень умело, но надежно. Гретхен опустила руку, провела пальцем по неровным стежкам. Да, эту рану обрабатывал и зашивал явно не магистр, и теперь Гретхен придется, наверное, прихрамывать всю оставшуюся жизнь, однако нога была спасена, а это самое главное.

Гретхен подумала о том, что отдала бы сейчас все на свете, лишь бы рядом с ней оказался Гектор со своим волшебным саквояжем. Только Гектор давно перестал быть Гектором, не так ли? Ее старый друг исчез, и вместо него, если верить слухам, появился черный маг и некромант по прозвищу Черная Рука. Гретхен знала Гектора с самого детства, и он всегда был таким добрым, заботливым, ласковым. Неужели юный лорд-кабан действительно отказался от своего призвания лечить людей и мертвые интересуют его теперь больше, чем живые? Гретхен поежилась. Она вспомнила ту ночь, когда получила свою рану, и почувствовала во рту привкус желчи. В ту ночь Лукас со своими Дикими волками ворвался в тихий городок Брей и перебил в нем всех, кто попался под руку, включая ее дорогого Трента Феррана. Она сама тоже должна была погибнуть тогда, бросившись в ледяные волны реки Редвайн, чтобы только не попасть в лапы ненавистного ей Лукаса.

«Интересно, сколько времени я здесь нахожусь? И где я?» – подумала Гретхен.

Преодолевая тошноту, Гретхен протянула руку и ухватила оставленный для нее костыль. Сделанный из узловатого древесного корня, с обмотанной тряпицей рукоятью, он стоял прислоненным к обмазанной сухой глиной стене. Гретхен сунула костыль под мышку, осторожно поднялась на ноги, проверяя, выдержит ли костыль вес ее тела. Костыль выдержал, но раненую ногу пронзила такая боль, что Гретхен едва не опрокинулась назад на лежанку. Сжимая костыль в побелевшем от усилия кулаке, Гретхен привалилась к стене. Прохладная глиняная поверхность охладила ее пылающее лицо, помогла успокоиться и прийти в себя. Гретхен ощущала слабость во всем теле, ее мышцы дрожали от напряжения – очевидно, она пролежала здесь очень долго. Гретхен смутно припоминала, как ее поили отварами трав, прикладывали компрессы к ноге, но никак не могла вспомнить лицо врача, который ухаживал за ней. В памяти сохранился только размытый силуэт, который она видела, ненадолго приходя в сознание. Или это тоже был лишь фрагмент ее путаных, кошмарных снов?

Внимание Гретхен привлек долетевший откуда-то смех. Собрав в кулак свою волю, леди-лисица доковыляла до прикрытого старой холстиной входа в хижину. Сквозь потертую ткань просвечивало солнце. Гретхен постояла немного, морщась от боли, а затем потянула холстину на себя. Яркий свет ударил в глаза, ослепил так, что Лисица едва не потеряла сознание. Но вскоре ее глаза привыкли к свету, и Гретхен впервые смогла увидеть то, что находится за порогом ее хижины.

А там мягко колыхалась под легким ветерком трава и стояли заросли камышей – высоких, местами вытянувшихся вверх на два с лишним метра. Над камышами порхали, чирикали на лету маленькие птички, из-за камышей доносилось кваканье скрытых от глаз лягушек. Но на солнечный свет из полутемной хижины вывело Гретхен не чириканье и кваканье, а смех, детский смех. Неподалеку от хижины виднелось кострище, а рядом с ним сидела

на корточках молодая женщина и щекотала животик лежавшего рядом с ней малыша, совершенно голенького.

– Сколько ему? – спросила Гретхен.

Женщина тревожно вскинула голову, схватила малыша на руки, прижала его к своей груди и попятилась прочь от хижины. Гретхен миролюбиво подняла вверх раскрытую ладонь своей свободной руки, другой рукой продолжая держаться за костыль.

– Пожалуйста, не бойтесь, – сказала она, удивленная такой реакцией матери.

Гретхен обратила внимание на странную фигуру женщины – таких людей она еще никогда не встречала. Женщина была невысокой, приземистой, с огромной, утопленной в широкие плечи головой.

Руки у женщины казались какими-то вздутыми, пальцы, которыми она прижимала к себе малыша, были невероятно длинными и словно вывернутыми наружу. И одета женщина была не так, как одеваются в Дейлиленде или Вестланде – в накидку из звериной шкуры, наброшенную поверх длинной домотканой холщовой рубахи. Взгляд женщины казался диким, и от этого Гретхен стало не по себе. Постепенно Гретхен начала подмечать все новые детали: лежащее возле кострища копьё с кремневым наконечником, охотничий рог рядом с ним, костяное ожерелье на шее женщины. Может быть, эта женщина – дикарка? Неужели Гретхен занесло в поселение Лесовиков?

Внимательно осматриваясь по сторонам, наблюдая за тем, не шевелится ли кто-нибудь в камышах, Гретхен сделала неуверенный шаг в сторону матери с ребенком. Конечно, в случае опасности и костыль сгодится как оружие, но гораздо лучше было бы трансформироваться в Лисицу. Лучше? Да, но Гретхен была настолько слаба, что эта трансформация отберет у нее последние силы, и их уже просто не останется для того, чтобы вести бой. Поскальзываясь на каждом шагу, Гретхен продолжала приближаться к женщине. Несмотря на летнее жаркое солнце, земля вокруг хижины и кострища оставалась влажной, скользкой от грязи, и над ней стелился легкий туман.

– Я не причиню тебе зла, – сказала Гретхен, пытаясь улыбнуться. Она действительно не желала причинить вреда этой женщине, однако, если встанет выбор – оставаться в руках диких Лесовиков или из последних сил сражаться за свою жизнь, – раздумывать не придется. Гретхен не понаслышке знала о том, насколько жестоки и злы Лесовики, знала о том, что они каннибалы, сама видела жуткие жертвоприношения их богине-змее по имени Вала. В свое время – как давно, кажется, это было! – Гретхен оказалась однажды в плену у Лесовиков, и они готовились принести ее саму в жертву богине-змее.

И принесли бы, не вмешайся пришедший ей на выручку верный друг, Дрю Ферран. Но это была не последняя стычка Гретхен с Лесовиками. Позднее они преследовали ее в Дайрвудском лесу, где она скрывалась от них вместе с Трентом, братом Дрю Феррана, и тогда это тоже едва не привело ее к гибели. Нет, этих тварей Гретхен знала достаточно хорошо. При встрече с ними нужно сражаться, и, если так уж случится, лучше погибнуть в бою, чем быть зажаренной на обед.

Гретхен заметила, что женщина напряженно смотрит в сторону кострища, туда, где в грязи лежало копьё с костяным наконечником.

– Не делай этого, не нужно, – покачала головой Гретхен и погрозила женщине пальцем. Хотелось бы надеяться, что эта дикарка понимает человеческую речь. Но если женщина и понимала Гретхен, слушаться ее она не собиралась. Одной рукой мать сильнее прижала своего ребенка к груди, другой потянулась за копьём. Гретхен пригнулась, на ее теле появился рыжеватокрасный лисий мех, на кончиках пальцев показались острые, как иглы, когти.

– Подумай о своем ребенке, прошу тебя, – прорычала Гретхен, но женщина продолжила свое движение.

Гретхен прыгнула вперед.

Возле кострища Лисица и женщина-дикарка оказались одновременно. Гретхен первой успела схватить копые и отшвырнула его назад, себе за спину. Копые просвистело в воздухе и воткнулось в обмазанную глиной стену хижины. Одержав эту маленькую победу, Гретхен вернула себе человеческий облик и только теперь поняла, что допустила ошибку. Как оказалось, женщине-дикарке нужно было не копые. Ей нужен был охотничий рог.

Резкий звук рога разнесся над зарослями камышей, испугнул птиц, стаей поднявшихся в воздух. У Гретхен упало сердце, она поняла, что теперь в любой момент на помощь женщине придут ее товарищи. Сможет ли Лисица выдержать схватку с ними? И нужно ли ей вступать в этот, заведомо неравный, бой? Может быть, разумнее было бы немедленно развернуться и броситься наутек? Но Гретхен не имела ни малейшего представления о том, где она находится. Далеко ли ей удастся убежать, прежде чем она попадет в руки преследователей или просто-напросто утонет в раскинувшемся за камышами болоте?

Звук рога стих, женщина отняла его от своих губ и бросила на землю, после чего уже обеими руками прижала ребенка к своей груди. Ребенок, кстати сказать, был таким же необычным внешне, как и его мать, – с короткой толстой шеей, длинными пальчиками на руках, с таким же диким выражением глаз, которыми он следил за частично трансформировавшейся Лисицей.

В эту секунду Гретхен вдруг стало невероятно жаль эту мать и ее ребенка, которым судьбой предназначено было родиться и жить среди жестоких варваров. Гретхен не испытывала к этой женщине никакой ненависти, ей просто хотелось поскорее убраться отсюда, вернуться на дорогу и продолжить поиски своих друзей. Быть может, Тренту удалось каким-то чудом выжить после той ночи в Брее? Она видела, как на Трента набросились чудовищные волки-дикарки, которых привел с собой король-лев Лукас. Мог ли Трент выжить в той схватке? Сердце Гретхен ни на секунду не покидала надежда на то, что они с Трентом когда-нибудь еще встретят друг друга. Но вот прозвучал всего один сигнал рога, и всем этим надеждам, похоже, пришел конец.

Гретхен печальным взглядом провожала мать с ребенком, которые осторожно отходили прочь от нее, приближаясь к стоящим стеной камышам. Стиснув кулаки, Лисица размышляла о том, успеет ли она лишить этих двоих жизни, пока у нее есть такая возможность. Но сможет ли она это сделать?

И нужно ли это делать? Имеет ли она право решать, кто должен жить, а кто умереть? Гретхен разжала кулаки и выронила свой костыль на землю. Мать замерла на месте, прижимая к себе ребенка, и со страхом наблюдала за выражением зеленых глаз Лисицы.

Неведомо откуда вылетела сеть и с поразительной точностью опустилась на плечи Лисицы. Подвешенные к краю сети грузики помогли сети плотно опутать Гретхен своими прочными ячейками. Лисица выгнула руку, сумела прорвать когтями несколько волокон, но не удержалась на ногах, повалилась боком на влажную землю и задергалась, задыхаясь, словно пойманная рыба. Женщина, держа ребенка на руках, с криком бросилась бежать к хижине, по широкой дуге огибая лежащую на земле Гретхен. Лисица услышала чавкающие по грязи шаги, они приближались и остановились у нее за спиной. Гретхен изогнулась, пытаясь увидеть набросившего на нее сеть дикаря, но не смогла этого сделать, потому что была спелената сетью туго, как поросенок, которого тащат на бойню. За спиной у нее продолжали раздаваться крики, чавкала грязь, опутавший ее сетью противник, судя по всему, наклонился над лежащей Лисицей – на ее лицо упала его тень. Теперь Гретхен слышала его горячее, пахнущее тиной и гнилью дыхание.

– Если собираешься убить и сожрать меня, давай, сделай это, и поскорей, вонючий дикарь, – прохрипела Гретхен и плюнула, целясь в ту сторону, где должно было находиться лицо дикаря. – Чтоб тебе подавиться, скотина!

Теперь Гретхен ощутила прикосновение его рук – холодные, скользкие, они ухватили ее обнаженное предплечье. От этого прикосновения Гретхен вскрикнула, заставив подпрыгнуть на месте наблюдавшую за ними женщину с ребенком. Грубая мозолистая ладонь сильнее вцепилась в Гретхен и перевернула девушку на спину.

Гретхен увидела над собой лицо присевшего на корточки мужчины, точнее, темный силуэт его головы на фоне ослепительного солнечного диска.

– Холка не дикарь, – низким утробным голосом сказал незнакомец. Казалось, что в горле у него что-то булькает и переливается. – Холка – болотник.

Придерживая Гретхен на месте своими длинными сильными пальцами, он продолжал внимательно осматривать ее с головы до ног. Гретхен еще оставалась трансформированной – покрытой рыжей шерстью, с длинными клыками и острыми когтями на пальцах, но чувствовала, что удерживать свою Лисицу у нее не осталось сил. И сил на то, чтобы сражаться, у нее тоже не осталось. Она была совершенно беспомощной. Назвавшийся Холкой мужчина продолжал крепко держать Гретхен, покачивал головой из стороны в сторону, изучая свою добычу, а затем вдруг резко наклонился вперед, заставив Лисицу вздрогнуть. Теперь она впервые смогла в подробностях рассмотреть его лицо, бледное и одутловатое. У Холки были такие же, как у женщины с ребенком, выпученные немигающие глаза, и тонкие, растянутые губы с опущенными вниз уголками, придававшими его лицу печальное, смущенное выражение. Мужчина вновь покачал своим печальным лицом и повторил:

– Холка – болотник. Ненавидит Лесовиков. Ты вести себя хорошо, так?

Гретхен решила, что, судя по интонации, это действительно заданный на ломаном языке вопрос, а не утверждение, и согласно закивала головой. Мужчина протянул свой длинный палец и забавным жестом погладил свисавшую у него под подбородком кожаную складку. Таких странных людей, как этот Холка, Гретхен никогда раньше не видела, и ей стало неловко оттого, что она поначалу приняла его и ту женщину с ребенком за Лесовиков.

– Холка снимать сеть. Девушка сделать свободный. Девушка хорошо себя вести?

Гретхен утвердительно закивала. Холка энергично заработал пальцами, распутывая сеть, а Гретхен начала возвращать себе человеческий облик.

Путы ослабели, провисли, еще немного, и мужчина снял сеть. Почувствовав себя свободной, Гретхен неуклюже отползла в сторону от продолжавшего сидеть на корточках мужчины. Холка тем временем аккуратно свернул сеть и положил ее рядом с собой на землю.

– Нога девушки, – сказал Холка. – Девушка счастлива?

Гретхен посмотрела на свою зашитую ногу. Сейчас она была до колена покрыта подсыхающей грязью.

– Это ты сделал? Ты позаботился о моих ранах?

Холка не ответил, вместо этого он моргнул, тяжело и медленно, как лягушка, сначала подняв, а потом опустив веки. Гретхен посмотрела в ту сторону, где возле хижины стояла женщина с ребенком, и спросила:

– Это твоя жена и ребенок?

Он снова моргнул.

– Спасибо тебе... Холка, – сказала Гретхен и попыталась улыбнуться, а затем добавила, обращаясь к женщине с ребенком: – И тебе тоже. Прости, что испугала тебя.

– Девушка зря стараться, – сказал мужчина. – Жена Холка не говорить. Девушка говорить с дерево. Дерево больше говорить, чем она.

Гретхен попыталась подняться, поскальзываясь и морщась от боли в раненой ноге. Холка прыгнул вперед, шлепнув по грязи своими широкими ступнями, и поддержал Гретхен под локоть. Как и его жена, Холка был одет в звериную шкуру, и тоже босой. Гретхен обратила внимание на то, какие у Холки длинные, как ласты, ступни и мощные икры – мускулы

на них так и переливались под бледной пятнистой кожей. Да, таких необычных людей, как эти двое, Гретхен еще не встречала.

– Где я? – спросила она. В ответ Холка недоуменно склонил свою голову набок. Гретхен указала на землю у себя под ногами, потом повела рукой вокруг и повторила: – Это место. Где оно?

Холка неожиданно подхватил Гретхен на руки и понес к хижине. Подойдя к ней, он легко, с места, подпрыгнул вместе с девушкой на два с лишним метра в высоту и приземлился на широкую покатую крышу. Здесь он опустил на одно колено и посадил на него Гретхен – так взрослые сажают маленьких детей. Гретхен изумленно взглянула на Холку, а тот обвел своим длинным пальцем раскинувшиеся во все стороны камыши, за которыми виднелись болота, а еще дальше, у самого горизонта, темной ниточкой протянулся бескрайний лес. Его Гретхен узнала с первого взгляда. Дайрвуд.

– Вы живете здесь одни? – спросила Гретхен. – Только Холка со своей семьей?

Холка отрицательно покачал головой и указал пальцем на едва виднеющиеся в зарослях камыша крыши других хижин. Этих крыш, если присмотреться, было много, они были рассеяны повсюду. А затем Гретхен увидела и головы других, скрывавшихся в камышах, болотников: их странные лица напряженно и внимательно наблюдали за ними с края лужайки, на которой стояла хижина Холки. Когда они успели подойти сюда, Гретхен сказать не могла, и как давно они здесь были, тоже не знала. Возможно, пришли еще вместе с Холкой, перед тем как он накинул на нее свою сеть. Соседи. Наверное, их тоже позвал сюда звук охотничьего рога, в который протрубила жена Холки.

Гретхен посмотрела на небо, пытаясь сориентироваться по сторонам света. Солнце сейчас стояло прямо в зените, следовательно, Дайрвудский лес находится к югу отсюда.

– Мы на трясине Ботт? – спросила Гретхен.

– Трясина Ботт? Там, – ответил Холка. – За рекой.

– То есть мы находимся к северу от реки Редвайн?

Холка моргнул.

– В таком случае вы можете помочь мне попасть к моим друзьям! – взволнованно воскликнула Гретхен. – Холка, отведите меня до края вашей земли, а дальше я доберусь сама.

Холка нахмурился, посмотрел на ногу Гретхен, затем снова ей в лицо.

– Мне нужно идти, – медленно и отчетливо произнесла Гретхен, надеясь, что это поможет ей убедить Холку. – Я должна идти, – повторила она, указывая рукой на север.

Холка покачал своей плоской головой, затряс кожаным мешком у себя под нижней челюстью.

– Опасно. Девушка надо есть. Спать. Копить сила.

– Девушка нет, – возразила Гретхен, переходя на тот же ломаный язык. Ее начинало раздражать упрямство Холки. Она поднялась с его колена и подошла к краю крыши, собираясь спрыгнуть с нее вниз, на влажную мягкую землю. Холка схватил Гретхен за запястье и повторил:

– Нет. Опасно. Девушка остаться.

– Не могу я остаться, – вспыхнула Гретхен, пытаясь вырвать свою руку из цепких пальцев Холки, но не смогла. – Я знаю, что это опасно, но я должна идти. – Война продолжается, Холка.

– Здесь нет война, – медленно покачал своей круглой головой Холка. – Болотники не воевать. Болотники мирные.

– Нет, война идет везде, Холка, – возразила Гретхен. – Тебе не может быть все равно, что происходит у твоих соседей в Вестланде или Дейле.

– Болотники мирные, – повторил он.

Гретхен попыталась свободной рукой оторвать от себя пальцы Холки, но не смогла и огорченно опустила голову. Увы, Холка прав. Она еще слишком слаба. Ей нужно отдохнуть, поправиться и набраться сил. Но сколько же времени она потеряет, греясь здесь на теплом летнем солнышке, отсыпаясь в хижине, которая сейчас у нее под ногами? Разумеется, Холка прав, но он... совершенно не прав.

– Сейчас здесь все спокойно, – сказала она, – но предупреждаю тебя, Холка, так будет не всегда. Там, за вашими болотами, лежит огромный мир, и весь он охвачен войной. Она придет и сюда.

– Болотники мирные, – снова повторил он, словно это было заклинание, которое сохранит его дом от жестокости и кровопролития.

– Нравится тебе это или нет, но война приближается и к этим местам, – вздохнула Гретхен. – И когда сюда придут лорды-коты, они не станут разбираться, мирные болотники или нет.

Глава 5

Крючок с наживкой

По мнению Дрю, разных нарядов у «Мальстрема» было больше, чем у танцовщицы. Исчезло потрепанное, неказистое рыбацкое судно, стоявшее в гавани Денджи, и вместо него появился на свет более приличный, крепкий торговый корабль. Хотя старенькие паруса на мачтах остались, вся рыбацкая мишура, вроде сетей и ловушек для лобстеров, полетела за борт сразу же, как только скрылся на горизонте негостеприимный порт, где им не удалось высадиться на берег. Теперь на мачтах взвились алые омирские вымпелы, превратившие «Мальстрем» в морского купца, везущего в своих трюмах эфирное масло. Разумеется, трюмы «Мальстрема» были набиты не бочонками с драгоценной жидкостью, а гвардейцами Тигра – Фуриями из Фелоса, – но об этом известно только самим пассажирам, но никак не экипажу «Бастийской императрицы». Сейчас этот громадный боевой корабль под командованием адмирала Скорпио стремительно приближался к «Мальстрему», оставляя за своей кормой белый пенный след. Вега мечтал приманить к себе бастийский флагман, и это, похоже, ему удалось.

– Почему ты так уверен в том, что Скорпио клюнет на нашу наживку? – шепотом спросил Дрю. – Он же командует всем бастийским флотом. Зачем ему связываться с каким-то «купцом»?

– А как ты думаешь, милый Дрю, каким образом достигают уважения и могущества на море? – усмехнулся Вега, не сводя глаз с приближающегося дредноута. – Дипломатией? Или, может быть, добрыми делами? Покажи мне морского волка, который не был бы пиратом, и я в две минуты докажу, что ты ошибаешься. Нет, разбой и жажда наживы у Скорпио в крови... Как, впрочем, и у меня самого.

Лорд-акула хищно улыбнулся, и от этой улыбки Дрю стало немного не по себе. Близились вечер, солнце уже садилось за горизонт, окрашивая в алый цвет небо, на фоне которого четко вырисовывался черный силуэт «Бастийской императрицы». Ближе к вечеру Вега всегда становился агрессивнее, чем обычно, впрочем, к этой особенности лорда-акулы Дрю уже привык. Одного упоминания о пиратстве, да еще под вечер, было достаточно, чтобы затронуть в душе Веги какие-то неведомые струны, пробудить воспоминания о сладостных и развеселых былых деньках. Если забыть о том, что сейчас идет война, лорд-акула как был, так и остался лихим Принцем пиратов с островов Кластер, жаждущим легкой наживы и крови.

– Может, он просто хочет выяснить, кто мы? Узнать, что у нас за груз, куда мы идем и откуда?

– Нет, приятель, – покачал головой Вега. – Ты посмотри, как он держит курс. Он заходит на бордаж, считает «Мальстрем» легкой для себя добычей. Пускай, пускай идет на перехват. Хуже всего, если он атакует нас с левого борта, который у нас открыт. Лучше всего, если пойдет наперерез с носа, чтобы притормозить нас. Держать прямо по курсу, мистер Фиггинс! – крикнул он своему стоявшему у штурвала первому помощнику.

– А если он таранит нас? – с опаской спросил Дрю.

– Тогда мы слегка промокнем, – ухмыльнулся Вега. – Кстати, говоря, ты хорошо плаваешь, Дрю?

* * *

Адмирал Скорпио стоял на носу «Бастийской императрицы» и улыбался. После случившегося в заливе Калико разгрома он улыбался сейчас впервые за несколько последних

недель. А как хорошо все тогда начиналось! Город Быка продолжал оставаться в осаде, герцог Бранд и его союзники находились на грани голодной смерти, а затем все вдруг пошло не так. Уму непостижимо, где смог Боса, этот мешок с ворванью, раздобыть секретные флажкоды, позволившие Киту пробраться в самую середину флота Скорпио! А дальше все было просто. Боса нанес внезапный удар, прорвал блокаду города и пустил на дно почти весь бастийский флот. Уцелевшую горсточку своих кораблей Скорпио поспешно увел в Лиссийский пролив и направился к побережью Омира. К счастью, Боса не стал преследовать беглецов и остался в Калико, иначе и последние жалкие остатки бастийского флота уже лежали бы на морском дне.

Груженный эфирным маслом «купец» выглядел ладно скроенным, быстроходным судном. Нет, ну надо же быть таким идиотом – поднять на мачтах красные шелковые флаги, объявляя всем желающим о том, что ты везешь драгоценный груз? Или хозяин этого корыта всерьез полагает, что принадлежность к купеческой гильдии спасет его от морских разбойников? Ну, от своих родных омирских пиратов, может быть, и спасет, однако океан велик, здесь всяких людей хватает, и далеко не все они согласны играть по одним и тем же правилам. Многие эти правила сами и устанавливают.

Скорпио оглянулся назад, на палубу своего корабля. Его люди деловито готовились к нападению. Многие матросы с «Бастийской императрицы» погибли во время нападения Кита, в экипаже Скорпио был недобор, но для того, чтобы справиться с «купцом», хватит и этого остатка, «купец» – добыча легкая. О своих погибших матросах Скорпио нисколько не жалел, экипаж у него, честно говоря, подобрался никудышный, и адмирал постоянно напоминал об этом тем, кто выжил после катастрофы в Калико.

Хоть бы закончилась поскорее эта бесконечная кампания в Лиссии, чтобы можно было возвратиться домой, в Баст, и заняться наконец настоящим делом, работать на себя самого, а не на лордов-котов.

До войны Скорпио был работоторговцем, поставщиком «живого товара» – крови, плоти и костей. Эх, какие возможности для этого бизнеса он был вынужден упустить, когда шла операция по высадке армии Оникса на северный континент! Не приходится сомневаться, что его свободный от службы приятель, граф Кесслар, буквально озолотился на войне в Лиссии. Ну, ничего, закончится война, и мы еще потягаемся с тобой, старый Козел.

Над морем сгущались сумерки, однако они не мешали Скорпио лучше рассмотреть «купца», которого преследовала «Бастийская императрица». Это был красивый парусник с плавными обводами корпуса, характерными для боевого быстроходного корабля. Возможно, в прошлом это и был боевой корабль, списанный впоследствии с флота по старости. «Если так, то с его списанием явно поспешили», – подумал Скорпио. Заплатанные, похожие на лоскутное одеяло паруса говорили о том, что теперь капитаном корабля является какой-то бесшабашный малый. И дурак к тому же, если вывесил красные флаги, объявляя всему миру о том, что за груз он везет в своих трюмах. Скорпио уже слышал, как хлопают на ветру эти омирские красные вымпелы, видел мачты и реи «купца». Удивительно, но они были в полном порядке, как и туго натянутый такелаж. Сами мачты в полном порядке, а паруса сшиты из лоскутов? Странно, странно....

Что-то еще раздражало в этом паруснике старого морского волка Скорпио, и вскоре он понял, что именно. Осадка. Не должен был этот корабль так низко сидеть в воде, если был омирским «купцом» с эфирным маслом на борту. И еще эти деревянные щиты, подвешенные вдоль всех бортов, – они дребезжали на своих креплениях и дрожали, прикрывая именно тот уровень нижних палуб, где обычно располагаются иллюминаторы. Или пушечные порты.

Адмирал Скорпио все понял, но предпринять уже ничего не успел. Деревянные щиты на бортах «купца» свалились в воду, и из открывшихся за ними портов ударили пушки, насквозь прошившие своими ядрами корпус «Бастийской императрицы».

* * *

Еще не успели прогреметь пушки «Мальстрема», а Дрю и Вега уже были в воде, и оба успели трансформироваться. Лорд-волк плыл не сам, а ухватившись за спинной плавник лорда-акулы, стрелой летевшего по волнам к вражескому флагману. Сгущавшиеся сумерки и белые буруны на беспокойной волне надежно укрывали верлордов. Дрю крепко держался за Вегу своей единственной здоровой рукой, а к его поясу были надежно пристегнуты ножны с вложенным в них волшебным мечом Мунбренд. Вега плыл с не постижимой для Дрю скоростью, то вылетая на поверхность моря, то снова уходя неглубоко под воду – Дрю едва успевал плотнеть воздуха между этими стремительными нырками. Еще несколько секунд, и перед ними вырос обросший ракушками борт неприятельского корабля.

Хотя Дрю был слегка оглушен после путешествия верхом на акуле, гром пушек «Мальстрема» он уловил сразу же – спутать этот звук с каким-либо другим было невозможно. Нависший над головами Дрю и Веги выпуклый деревянный борт «Бастийской императрицы» разлетелся в щепки, и в нем появилось большое неровное отверстие, в которое немедленно хлынула вода. Сверху раздались тревожные крики экипажа, а «Бастийская императрица» начала стремительно крениться в сторону пробитого борта.

Мощным взмахом хвоста лорд-акула развернулся в сторону уже наполовину погружившейся под воду пробоины. Стала видна накренившаяся палуба «Бастийской императрицы», на которой царил паника. Офицер выкрикивал с мостика команды, безуспешно пытаясь привести в чувство своих матросов, которые беспорядочно металась из стороны в сторону.

Не докричавшись до них, офицер вскоре сорвался с мостика и шумно плюхнулся в воду. Как раз в этот момент на палубу поднялись Волк и Акула.

Сражаться никто из оставшихся на палубе моряков не хотел – увидев появившихся на борту мокрых страшных верлордов, кто-то из матросов с криком бросился бежать прочь, другие испуганно расступались, освобождая дорогу. В руке Дрю матово светился Мунбренд, но пока что не было никакой необходимости пускать его в дело.

Хаос, царивший на наклонившейся средней палубе дредноута, был еще сильнее. «Мальстрем» к этому времени поравнялся с «Бастийской императрицей», и его матросы радостно приветствовали своего капитана, увидев его стоящим на палубе вражеского судна. Бастийцы же тем временем дружно тянули веревки, пытаясь спустить в воду подвешенные на таях спасательные шлюпки. Дрю увидел двух офицеров, которые яростно спорили за право принять на себя командование оставшимися матросами, при этом один офицер настаивал на том, чтобы немедленно покинуть тонущий корабль, а второй считал, что всем нужно до конца оставаться на своих местах. Затем в воздухе сверкнул клинок, положивший конец этому спору. Сторонник дисциплины и долга опустился на колени, зажимая руками свой распоротый живот, а будущий дезертир продолжил вместе с матросами развязывать шлюпки.

– Что будем делать? – ворчливо спросил Дрю.

– То, зачем сюда приплыли, – раздраженно ответил Вега. – Добывать ответы на накопившиеся у нас вопросы.

– Тогда давай захватим одного из этих офицеров, – предложил Дрю, нацеливаясь своими желтыми глазами на дезертира с окровавленным кортиком.

– Зачем нам какие-то кильки, Дрю, – возразил Вега, указывая своим заостренным серым пальцем на носовую надстройку, где возвышалась, возилась, топталась на месте и пинками прогоняла вниз по трапу оставшихся на мостике матросов массивная фигура. – Вот кто нам нужен. Прошу любить и жаловать – командующий бастийским военным флотом адмирал Скорпио. Собственной персоной.

С этими словами Вега стремительно зашагал по палубе, Дрю поспешил следом за ним. Проходя мимо спускавших шлюпку на воду матросов, лорд-акула вытащил из ножен свою рапиру и, не замедляя шага, небрежно взмахнул рукой, проткнув насквозь офицера-предателя, недавно убившего своего товарища. Дрю пошел дальше за капитаном «Мальстрема», пожившись при виде кровавого пятна, расплывающегося по белой рубашке офицера. Пройдя еще несколько шагов, Дрю услышал за своей спиной глухой стук замертво свалившегося на палубу тела.

– Чтоб мне лопнуть! Адмирал Скорпио, живой и невредимый! – громко крикнул Вега, подойдя к мостику. – Честно говоря, я надеялся, что наша встреча произойдет в более приятной обстановке. В конце концов, не так уж часто встречаются для дружеской беседы командующие двумя неприятельскими флотами, верно, Ерш?

Дрю поднял голову, чтобы лучше рассмотреть капитана «Бастийской императрицы», а Скорпио тем временем скинул вниз с трапа еще пару матросов, чтобы преградить незваным гостям путь на мостик. Скорпио был невероятно уродлив, особенно в трансформированном виде, с далеко выступающей вперед нижней челюстью, раздувающимся на горле воздушным пузырем, с усыпанным бородавками лицом. Впрочем, как мог выглядеть лорд-скорпена, или Морской Ерш, вы и сами можете себе представить. На голове и спине Скорпио уже успели вырасти острые шипы и иглы, они раскачивались и сухо потрескивали, ударяясь друг о друга, когда Скорпио раздраженно метался по мостику, крича своим оставшимся на палубе матросам.

– Держите их! Хватайте их, мухи сонные!

– Не совсем такой теплый прием, как я ожидал, – заметил лорд-акула и широко улыбнулся, показав всем желающим свои белоснежные, ужасные зубы. – У вас, бастийцев, странные представления о гостеприимстве, однако. А я-то думал, что мы присядем, откупорим бутылочку хорошего старого вина!

– Кончай трепаться, Акула! – огрызнулся Скорпио. Сейчас он стоял на мостике один, дюжина оставшихся верными ему матросов уже спустилась на палубу. Они расположились веером, на почтительном расстоянии от чужих верлордов и вытащили свои мечи – не нападать, а на тот случай, если им придется защищаться.

– Между прочим, совершенно не обязательно умирать в такой день, как сегодня, – громко сказал Волк и почувствовал, как у него под ногами дрогнула палуба. Снизу раздался громкий треск, и раненое судно резко погрузилось еще глубже в воду.

– Жизнь мне собираетесь спасти? Так я вам и поверил! – крикнул в ответ Скорпио.

– Он с твоими матросами разговаривает, а не с тобой, мой дорогой обделавшийся адмирал! – успокоил его Вега.

– Спускайте шлюпки, вяжите плоты, – продолжал Дрю, поводя из стороны в сторону своей мощной головой и глядя в глаза матросам. – Плывите к берегу или, если хотите, сдавайтесь нам, но только прошу вас, не надо умирать ради Скорпио.

– Ты недооцениваешь преданность моего экипажа, – прогрохотал со своего мостика Скорпио. Теперь адмирал был покрыт иглами и шипами с головы до ног – ну, на то он и Морской Ерш. – Это бастийские храбрецы! Каждый из них стоит десятка ваших лиссийских ублюдков, Волк!

– Я не спрашиваю, кто они и откуда, Скорпио. Я всего лишь спрашиваю, хотят ли они умереть. Сегодня. Сейчас.

Лорд-волк подошел еще на шаг ближе к матросам и приподнял верхнюю губу, давая бастийцам возможность полюбоваться и оценить свои острые могучие клыки, способные в две секунды разорвать любого человека в клочья. В руке Дрю матово светился Мунбренд, окутывая своим сиянием фигуру Волка.

– Ну, что, парни? – прорычал Дрю. – Хотите умереть сегодня? Или предпочитаете умереть на руках ваших жен, причем от старости, и не раньше, чем лет этак через шестьдесят?

Экипаж «Бастийской императрицы» оценил и клыки Дрю, и его предложение. Матросы побросали на палубу свое оружие, а затем один за другим съехали по наклонившейся палубе и исчезли за бортом.

– Предатели и трусы! – взревел Скорпио. Он выпучил глаза, раздул воздушный пузырь на горле. Тело лорда-скорпены приобрело ядовито-желтый оттенок, на лице появились фиолетовые и пурпурные пятна, на губах запузырилась пена. – Тухлые селедки! Я вас всех за это..! Всех до одного!

Пропитанные смертельным ядом иглы развернулись над головой и вокруг всего торса Скорпио, сделав адмирала похожим на терновый куст. Затем лорд-скорпена внезапно бросился к краю носовой надстройки, собираясь улизнуть и спрыгнуть в море. Вега и Дрю бросились за ним вдогонку, но Морской Ерш опережал их на несколько шагов.

Скорпио вполне мог сбежать, если бы не вздумал, уже забравшись на планширь, обернуться, чтобы еще раз крикнуть вслед своим матросам:

– Всех поубиваю!

Он еще успел развернуться в сторону моря, но в этот момент получил удар плоской стороной меча по лицу. Адмирал грохнулся назад, на палубу своего тонущего корабля, ядовитые шипы впились в доски и прикололи к ним Морского Ерша, как бабочку. Скорпио яростно моргал глазами, судорожно хватал ртом воздух, ворочал своим окровавленным лицом и, наконец, увидел странную фигуру, парившую в воздухе над носом «Бастийской императрицы».

– Отличная работа, Каспер! – весело воскликнул Дрю и подмигнул юному морскому ястребу, висевшему над палубой с коротким мечом в руке.

Вега пнул Морского Ерша в живот ногой, после чего склонился над адмиралом.

– Хотел уйти не попрощавшись, шпрота ядовитая? – спросил Вега, неторопливо сжимая в кулак свою могучую, обтянутую серой и шершавой акульей кожей руку. – Напрасно, напрасно, приятель.

Вега ударил Морского Ерша всего один раз, но и этого хватило, чтобы погрузить адмирала Скорпио в самый долгий и беспокойный в его жизни сон.

Глава 6

У Серебряных ворот Азры

Для леди Хайфы, правительницы Роу-Шена, это был день восхитительных великих казней.

Город Азра, называвшийся некогда Жемчужиной Омира, превратился теперь в символ горя и смерти. Местная пословица гласила, что, куда стоят стены Азры, этот город будет принадлежать Шакалам. Похоже, что теперь эта пословица сбывалась с точностью до наоборот. В начале войны защитники Азры с помощью прибывших на помощь им из Бейрбоунса лордов-ястребов успешно противостояли натиску врага, но затем начались осложнения на фронте, находящемся к северу от города. Там союзники леди Хайфы, лорды-псы, с помощью лордов-котов из Баста атаковали стратегически важный город-крепость Бейна, защищавший вход в ущелье, через которое пролегал единственный путь с севера к Азре. Узнав об этом, король Фейсал отправил на север большую часть своих союзников-ястребов и своих лучших гвардейцев-шакалов, которые должны были удержать в своих руках ущелье. Однако сам король остался при этом в осажденном городе всего лишь с горсточкой солдат и омирских аристократов.

Столица лорда-шакала пережила холода, но в последний день зимы войска Псов и Гиены полностью завершили окружение и начали затягивать удавку на шее города. Леди Хайфа направила основную часть своей армии к южным стенам Азры, а воины лорда Канана подошли вплотную к северным городским укреплениям. Отрезанные от внешнего мира, лишенные возможности связаться со своими товарищами в Бейне, защитники Азры оказались блокированными внутри городских стен. Когда же наступило лето, к городу выдвинулась бастионная артиллерия. Поплыли в воздухе облака порохового дыма, полетели выброшенные с чудовищной силой ядра, проламывая каменную кладку крепостных стен и круша городские кварталы. Число жертв росло с ужасающей скоростью, поэтому советникам удалось в конце концов убедить короля Фейсала сдать город ради блага его же собственного народа. Его условия капитуляции были просты – в Азре больше не должно пролиться ни капли крови. Хайфа охотно приняла их. Легендарный город пал и отныне перешел в руки Гиены.

Свое слово Хайфа сдержала. Кровь в Азре больше не лилась. Свои торжества по поводу победы Гиена перенесла за город, границей которого традиционно считались его стены. Ведь о том, чтобы не лить кровь за пределами Азры, уговора не было, верно? Процедуру казней Хайфа разработала на свой собственный лад: без виселиц, без плах, без долгих обвинительных речей. Все происходило быстро, деловито, можно сказать, буднично. Солдат и офицеров армии Фейсала, а также тех немногочисленных лордов-шакалов, кто еще оставался в городе, гвардейцы Гиены одного за другим вели по городским улицам к Серебряным воротам, выходящим на юг, к реке. Жители побежденной Азры могли лишь наблюдать за тем, как шагают в свой последний путь защитники их города. Обреченных выводили из города на песчаную площадку перед крепостными стенами. Здесь возле большого полированного камня пирамидками были сложены отрубленные головы – мрачный символ одержанной Хайфой победы.

К настоящему времени не слишком знатные аристократы и придворные были уже казнены, на десерт оставалось главное блюдо, великое и знаменательное событие, которое Хайфа непременно желала увидеть своими глазами. На предыдущих казнях Гиена не присутствовала, как не бывало ее и на поле боя во время сражений – дело в том, что леди из Роу-Шена панически боялась стать жертвой покушения. И у Серебряных ворот Азры она впервые решилась появиться только после того, как король-шакал подписал капитуляцию.

Отдавая приказ начать казни, Хайфа распорядилась не допускать на них посторонних – ей вовсе не хотелось, чтобы жители Азры, ставшие отныне ее подданными, видели смерть своих бывших властителей, оплакивали их, а затем, не приведи Бренн, начали бы считать их мучениками. Вот так, тихо и тайно, казнили практически всех защитников Азры, осталось лишь несколько самых знатных придворных плюс сам король Фейсал. Их казнь отложили на самый конец, до прибытия правительницы Роу-Шена. Новая королева Азры непременно хотела насладиться этим триумфальным зрелищем.

Из Роу-Шена к Серебряным воротам Азры Хайфа прибыла в портшезе – кресле, которое несли на своих плечах омирские рабы – и в сопровождении своих придворных, которым пришлось проделать весь этот не ближний путь на ногах. Колыхались на теплом ветру легкие шелковые занавески портшеза, слева и справа от носилок печатали шаг гвардейцы-охранники. Процессия остановилась перед группой пригнанных к Серебряным воротам пленников. За спиной этих несчастных возвышались городские стены – местами проломленные железными ядрами, местами опаленные бастийским гремучим порошком, порохом.

На эти стены, повернув голову вбок, смотрел и Джоджо, стоявший, как и остальные приговоренные к смерти пленники, на коленях и со связанными за спиной руками. «Как быстро все же меняется мир! – думал он. – Навсегда ушли те времена, когда самыми опасными для лиссийцев осадными орудиями были баллисты и катапульты с их каменными ядрами. Бастийский черный порошок – порох – коренным образом изменил характер современной войны. Катапульты уступили место пушкам и железным ядрам, и теперь на штурм или осаду любой крепости требуется гораздо меньше времени, чем прежде». Эти рассуждения натолкнули Джоджо на новую мысль: а что, если он поставил, что называется, не на ту лошадку? Ведь еще совсем недавно Джоджо работал на работорговца, графа Кесслара.

Лорд-козел Кесслар был злодеем из злодеев. Стопроцентный мерзавец. Впрочем, таким же был тогда и сам Джоджо. А потом ему посчастливилось – или угораздило? – столкнуться с юным Волком из Вестланда, Дрю Ферраном. Это знакомство оказало на Джоджо огромное воздействие – и не только отрицательное, хотя во время стычки с Волком он потерял один свой глаз. Удивительно, но позднее работорговец и Волк стали союзниками, и тогда-то Джоджо открыл для себя такие удивительные вещи, как честь, самоуважение, настоящая дружба. Однако затем союз с Дрю втянул Джоджо в войну против лордов-котов и привел в Азру – чужой ему город Шакала, который он защищал против других чужаков, Псов и Гиен. И вот...

Джоджо покосился на короля Фейсала. Лорд-шакал стоял спокойно и величественно, высоко подняв голову, гордо выставив вперед подбородок, и очень выделялся этим среди остальных приговоренных к казни – они, как один, понурили головы и низко опустили плечи. Пленники-люди были связаны веревками, пленники-верлорды – шнурами с вплетенными в них серебряными нитями. Нужно заметить, что, попав в Азру, Джоджо почувствовал себя в своей родной стихии и быстро сделал карьеру в армии Фейсала. Бывший работорговец умел командовать людьми (а кто бы сомневался?) и сам был бесстрашным бойцом, которому король со временем доверял все больше и больше. Первое время дела шли совсем неплохо, даже после того, как лорды-ястребы улетели в Бейну и унесли с собой лучших бойцов Фейсала. Тогда мощных крепостных укреплений и отряда опытных, обладавших орлиным зрением лучников хватало, чтобы не подпускать к городу Хайфу и ее союзников. Но затем на поле боя прибыли бастийские пушки и перевернули весь ход войны, сделав сопротивление Шакала бессмысленным и невозможным.

Джоджо заметил, как презрительно прищурил свои глаза Фейсал, когда прикрывавшие дверцы портшеза занавески раздвинулись и на раскаленный полуденным солнцем песок ступила Гиена. Легкой поступью она подошла к стоящим в ряд на коленях пленным лордам-оборотням и офицерам-людям. Слева и справа Хайфу окружали охранники и рабы –

один из них энергично помахивал веером, другой держал над головой повелительницы Роу-Шена громадный раскрытый пестрый зонт, прикрывавший ее от солнечных лучей.

Когда Джоджо взглянул на приблизившуюся к нему Хайфу, у него перехватило дыхание. Она все еще оставалась такой же прекрасной, как много лет назад, когда впервые пересеклись их жизненные пути. Лицо Хайфы было подкрашено белилами, темные волосы зачесаны наверх и увенчаны сверкающей короной.

На ободке самой короны позванивали, покачивались золотые подвески с драгоценными камнями всех цветов и размеров, они отражали солнечные лучи и отбрасывали на белое платье Гиены яркие радужные пятна. Хайфа остановилась перед Фейсалом. За спиной Гиены столпились ее подданные, а за спиной короля нервно переминался с ноги на ногу палач с ятаганом в руке.

– Его корона, ваше величество, – сказал один из придворных, протягивая Хайфе витой золотой шнурок, который всего лишь день тому назад украшал голову Фейсала. Гиена посмотрела на шнурок так, словно корона Шакала была какой-то помойной дрянью.

– Я польщен тем, что моя скорая смерть выманила тебя из твоей норы, Хайфа, – произнес Фейсал своим глубоким звучным голосом. Его тога была разорвана, лицо покрыто кровоподтеками после того, как над ним потрудились штурмовики из Роу-Шена.

– Я перфекционистка, Фейсал.

– Ты трусиха.

– Я хочу быть уверена в том, что ты действительно мертв.

– Увидеть мою голову, насаженной на копье, тебе недостаточно?

– В переходное время, как сейчас в Азре, нет ничего опаснее, чем оставлять людям символы прошлого, например, твою отрубленную голову. Нет, твой череп будет брошен в яму в каком-нибудь глухом уголке Омира и закопан вместе с остальными частями тела.

Джоджо услышал, как Фейсал сглотнул. Гиена взглянула на бывшего работоторговца и улыбнулась.

– О, и ты здесь, – сказала она, подходя ближе. – Марионетка Кесслара, сражающаяся на стороне Шакала. Знаешь, ты произвел довольно сильное впечатление на моих военных.

– Я давно уже не марионетка Кесслара, – ответил Джоджо, сплевывая на песок под ноги Хайфы. Лорд-козел Кесслар прежде был деловым партнером леди-гиены. – Я свободный человек, Хайфа.

Она звонко, мелодично рассмеялась, и ее смех угодливо подхватила свита.

– Разумеется, свободный, – она красноречиво посмотрела через плечо Джоджо на его связанные за спиной руки. – Хочу заметить, что тебе очень идет быть свободным.

– Не трать слов понапрасну, Джоджо, – сказал стоявший рядом с ним пленник. Это был визирь Барджин, главный советник Фейсала, дальний родственник короля и любимец всей Азры.

– Визирь Барджин, вы ли это? – удивленно подняла бровь Хайфа и улыбнулась стоявшему позади пленников палачу.

– Если ты приехала сюда, чтобы убить нас, сделай это, – проворчал старый визирь. – Только прекрати свои...

Он не договорил. Палач опустил свой ятаган, и голова визиря упала на песок к его ногам. Остальные пленники ахнули и отвернулись, чтобы не видеть этого жуткого зрелища.

– Всему свое время, визирь Барджин, – сказала Хайфа, обращаясь к отрубленной голове, лежащей на песке с выпученными от удивления глазами. – Всему свое время.

– Ваше величество!

На это обращение Хайфа и Фейсал повернули свои головы одновременно. К месту казни вразвалочку приближался человек в ярко-зеленом тюрбане и изумрудного цвета халате и на ходу махал своей поднятой вверх пухлой ручкой, на пальцах которой перелива-

лись огнями кольца с драгоценными камнями. За спиной человека показалась группа вооруженных людей, с боков ее сопровождали гвардейцы Хайфы из Денджи с длинными копьями.

Воинов, которые шли под эскортом копейщиков, Джоджо узнал сразу по кожаным кирасам, прикрывающим грудь, живот и пах.

– Королева Хайфа, Свет Омира и Мать Песков!

Хайфа самодовольно улыбнулась Фейсалу. Тем временем человек в зеленом тюрбане приблизился, упал перед Гиеной на колени и уткнулся лбом в песок. Джоджо слышал тяжелое дыхание толстяка, слышал у себя за спиной шаги палача, видел капельки крови, которые тот стряхивал на песок со своего ятагана. «Следующий – я?» – подумал он.

– В чем дело, Альдо? – спросила Хайфа, когда группа незнакомцев подошла ближе под бдительными взглядами копейщиков Хайфы. – Как ты посмел беспокоить меня в столь знаменательный день?

Человек в зеленом тюрбане подполз на коленях к ногам своей повелительницы и плаксивым тоном ответил:

– Умоляю простить меня, ваше величество, но прибыла леди, у которой к вам крайне важное и неотложное дело.

– Какая еще леди? – огрызнулась Хайфа. И тут же личные телохранители Гиены сомкнулись вокруг нее тесным кольцом.

Во главе сопровождаемой копейщиками группы шли двое, их лица были скрыты под омирскими куфиями. Джоджо предположил, что это, скорее всего, бастийцы, как и сопровождающие их воины – знаменитые Фурии из Фелоса, элитная гвардия лордов-тигров. Одна из тех двоих, что шли в куфиях, явно была женщиной, об этом говорили ее плавные, легкие движения, которыми она приближалась к новой королеве Омира. Джоджо успел заметить промелькнувший в просвете между верхней накидкой и платьем кусочек обнаженной кожи, она была такой темной, что при солнечном свете казалась черно-фиолетовой. Сердце бешено заколотилось в груди бывшего работоторговца – неужели это действительно сама Пантера?

– Довольно, – сказала Хайфа, явно недовольная появлением незваных гостей. – Что заставило тебя привести этих людей ко мне, Альдо? И могу ли я быть уверена в том, что у них нет при себе оружия?

– Оружия у них нет, ваше величество, – поспешно заверил Хайфу стоящий перед ней на коленях человек в зеленом тюрбане. – Я приказал им сдать мечи сразу же, как только они прибыли в порт Каза. Они любезно согласились сделать это.

– Никогда не верь тому, кто охотно отдает тебе свое оружие, – сухо сказала Хайфа, оглядывая незнакомцев. Ее личная охрана направила свои копья на две фигуры с прикрытыми куфией лицами. – Ну? Представьтесь же, и поскорей. И отдайте почести, которые положены по рангу королеве Азры.

Оба незнакомца принялись разматывать свои куфии, пока те не превратились в повисшие у них на плечах длинные полосы ткани. Женщина, открыв свое лицо, осталась стоять, дерзко глядя на Хайфу, а мужчина поспешно опустился на колени рядом с ней, низко склонив голову себе на грудь. На вид мужчине было за семьдесят, на коричневой от загара, блестящей, как бильярдный шар, голове трепыхалась на ветру лишь пара жиденьких седых прядей. Короче говоря, выглядел старичок совершенно безобидным и слабым, но Джоджо прекрасно знал, каким обманчивым бывает порою внешний вид. Женщина? Ее Джоджо видел впервые, но сразу же узнал в ней Красавицу из Баста. Узнала ее и Хайфа.

– Ты привел сюда леди Опал, Альдо? – явно занервничала Хайфа, а ее люди тем временем начали теснее окружать бастийскую верледи.

– Все в порядке, не волнуйтесь, – ответила Пантера, поднимая вверх руки, чтобы показать, что у нее нет оружия.

– Насколько мне известно, все бастионцы – наши союзники, ваше величество, – извиняющимся тоном произнес Альдо. – Леди сказала, что у нее имеется крайне важное для вас сообщение.

– Эта леди нам не союзница, – отрезала Хайфа и сморщилась так, что треснул слой нанесенных на ее лицо белил. – Она повернула против своего собственного народа. Это правда, Опал?

– Твой человек был прав относительно одной вещи, – сказала Опал, спокойно стоя под направленными на нее и ее спутника копьями. За спиной леди-пантеры продолжали так же спокойно стоять окруженные копейщиками Фурии из Фелоса. Напряжение нарастало с каждой секундой. Джоджо слышал, как за его спиной и спиной Фейсала неуклюже переминается палач. Что-то должно было произойти, причем очень скоро.

– Какой именно вещи? – спросила Хайфа.

– Я действительно принесла тебе важную и срочную весть, Хайфа из Роу-Шена.

– Королева Хайфа из...

– А весть такова. Ты живым передаешь мне в руки короля Фейсала, затем забираешь всю свою армию – за исключением пушек – и немедленно проваливаешь к себе домой.

Хайфа зарычала, вне себя от гнева, и принялась трансформироваться. С ее лица слетели белила, на нем проросли густые темные волосы, губы и нос вытянулись в морду Гиены.

– Ты думаешь, что вправе приказывать мне, ты, предавшая собственного брата и весь свой народ? – взвывала она. – Я достаточно много слышала о тебе в последнее время! Знаю, как ты столкнула лбами Старейшин на Форуме в Леосе, при этом вместе с тобой был наш злейший враг, Волк. Ты совершила государственный переворот, это измена! Неужели ты надеешься повторить похожий фокус и со мной тоже? Не выйдет, дорогуша! Да и Волка рядом с тобой на этот раз нет.

Леди-гиена сердито взглянула на слабенького старичка, который по-прежнему стоял на коленях рядом с Опал, низко опустив голову под направленными на него копьями.

– Так ты принимаешь мои условия? – угрожающим тоном спросила Опал.

– Условия? – рассмеялась Гиена. – Кто ты такая, чтобы ставить мне условия? Ты никто, и звать тебя – никак!

– Не принимаешь, значит?

– Конечно, нет!

– Будь по-твоему, – прошипела Опал. – Чолло!

Джоджо уже доводилось в прошлом встречать соперников, которые были быстрее его, умели постоянно опережать его на шаг, действовали раньше, чем он успевал сообразить. Одним из таких соперников был Волк, одаренный невероятной даже для верлорда скоростью. Но даже быстрому, как молния, Дрю Феррану было, пожалуй, далеко до этого скромно стоявшего на коленях старичка. Только что он стоял рядом с Опал. В следующий миг уже перемахнул через наставленные на него копы и прыгнул на Хайфу с такой скоростью, что его тело показалось размытым в пространстве. И вот полностью трансформировавшийся за долю секунды лорд-гепард Чолло уже держит когтями за горло припечатанную спиной к песку Гиену.

– Ты по-прежнему отвечаешь «нет»? – спросила Опал. Телохранителей Хайфы охватила паника, они растерянно переглядывались, не зная, против кого им в первую очередь следует обратить оружие – напасть на леди-пантеру или пытаться отбить свою госпожу у старого лорда-гепарда. Опал тем временем тоже трансформировалась, ее тело покрылось блестящим мехом, засверкали грозные клыки, Красавица из Баста небрежно скинула мешающую ей одежду, демонстрируя всем свои великолепные, переливающиеся под кожей, мускулы.

– Король! – крикнул Джоджо, когда за их спиной зашевелился палач, искавший собственный выход из сложившейся тупиковой ситуации.

Ятаган палача высоко поднялся в воздух и начал стремительное падение на шею Фейсала, но еще быстрее оказалась Опал. Она одним прыжком преодолела расстояние между собой и палачом, взмахнула когтистой рукой, и послышался булькающий звук, вырвавшийся из разорванного горла палача. Палач выронил ятаган, высоко запрокинул голову и замертво свалился на песок. Теперь за спинами Джоджо и Фейсала оказалась Опал. Она быстро разрезала веревки и серебряный шнур на руках пленников.

– Вы спасли мне жизнь, – прошептал Джоджо, с благоговением глядя на Пантеру, но Опал не слушала его, она пристально наблюдала за беспомощно распластавшейся на песке Гиеной и вцепившимся ей в глотку Гепардом. Фурии из Фелоса тем временем уже деловито разоружали копейщиков, которые сопровождали их к Серебряным воротам, – здесь все было ясно.

– Ты оставишь свои пушки и оружие, ты зароешь в этот песок свое высокомерие и гордыню, – медленно сказала Опал, борясь с почти непреодолимым желанием сорвать Гиене голову с плеч. – Катись в свой Роу-Шен и скажи спасибо за то, что я сохранила тебе твою ничтожную жизнь, Гиена. И заруби себе на носу, что Азра была, есть и будет оставаться городом Шакала.

Глава 7

Рыцарь Волка

Трент водил точильным камнем по лезвию своего меча. Этот знакомый звук успокаивал. Рука Трента поймала ритм и двигалась совершенно автоматически, а сам Трент закрыл глаза и улетел мыслями в прошлое. Он снова увидел себя в маленьком фермерском доме на Холодном побережье – за окном свистел ветер, дождь бил в окно, а на верхнем месте двухъярусной кровати, прямо над головой Трента, посапывал во сне Дрю. Чуть слышно поскрипывали половицы, негромко трещал огонь в камине. Но тут к привычным домашним звукам вдруг начали примешиваться звуки другие – чужие, неприятные, словно кто-то скреб ногтями по грифельной доске. Этот непонятный, вызывающий тревогу звук доносился от окна. Сидя на своей кровати, Трент повернул голову и увидел за окном смутные очертания чудовищной фигуры, скребущие по оконному стеклу когтистые пальцы. Затем пальцы сжались в кулак, кулак ударил по стеклу, оно разлетелось на мелкие кусочки. Хлынул дождь стеклянных осколков, капель крови и дождевых капель, а проникший в разбитое окно Волк бросился на Трента.

Трент вскрикнул, приходя в себя, вырываясь из кошмарного видения, и заставил своим криком вздрогнуть своих собравшихся возле костра товарищей. Кто-то из рыцарей окликнул юного вестландца, желая подбодрить и посочувствовать ему. Трент неловко, глуповато улыбнулся, покачал головой, а затем вновь вернулся к своему мечу и точильному камню. Ладонь правой руки Трента была раскрыта, точильный камень сбился с пути, вильнул в сторону, Трент по инерции провел рукой вперед, порезался и сжал руку в кулак, ругая себя за неосторожность. Тут он увидел, что кончики его пальцев потемнели, а вместо ногтей на них появились когти. «Что за чудовищем постепенно становлюсь я сам?» – подумал Трент. Опустив на землю меч, он посмотрел на свою левую руку, на ней не хватало двух пальцев – безымянного и мизинца. Трент потерял их в бою с Лесовиками, когда они с Гретхен пытались вдвоем выжить среди опасностей Дайрвудского леса. Теперь Гретхен пропала, почти наверняка умерла. А во всех страданиях Трента, во всех его несчастьях виноват Лукас и его лесные дикари.

Перед мысленным взором Трента вновь возникла навсегда отпечатавшаяся в его памяти ночь, когда в огне погиб тихий городок Брей. Именно в ту ночь Трента искусали Дикие волки короля Лукаса, и эти укусы навсегда изменили его. Лесовики и сами по себе отвратительные создания, но те, преображенные силой черной магии твари, были еще омерзительнее. Теперь воздействие этой, передавшейся ему, дикой древней магии Трент чувствовал на себе, постепенно, день за днем превращаясь из человека... В кого же он превращается? Об этом Тренту ужасно не хотелось думать, в этом было невозможно признаться даже самому себе. Он достаточно много знал о трансформациях и прекрасно понимал, что это природный, данный от рождения дар, которым обладают только верлорды. Но что, если этот дар каким-то магическим способом передается обычному человеку? В таком случае он становится уже не даром, а проклятием, которое постепенно убивает человека, если не сведет его прежде с ума. Месяц тому назад наступило полнолуние, и Трент слег в лихорадке и едва не умер, его, можно сказать, выходили Рейнхарт и магистр Вильгельм.

Когда же он поправился, все Рыцари Стормдейла искренне радовались этому и благодарили Бренна за его выздоровление. Но Трент знал, что это не выздоровление, это передышка, и болезнь уже не выпустит его из своих цепких когтей. Через пару недель наступит следующее полнолуние, и тогда... Что же с ним будет тогда? Тренту вдруг вспомнилась одна из любимых поговорок его отца: «То, что не убивает, делает тебя сильнее». Что ж, может, Папа Ферран и прав.

Трент запрокинул голову, глядя в темное ночное небо. Луна уже взошла, плывет среди облаков, словно глаз – наполовину прищуренный, излучающий тревожный молочно-белый свет. В последнее время лунный свет действовал на Трента очень странным образом – зачаровывал, придавал сил, вызывал тошноту и головную боль. От лунного света у Трента начала чесаться и гореть кожа, вставали дыбом, утолщались, становились длиннее и темнее волоски на всем теле. Так вот что чувствует Дрю, когда трансформируется? Трент посмотрел на свой, лежащий у костра волчий шлем. На полированной стали играли оранжевые отсветы пламени, отчего казалось, что шлем живет, ухмыляется, скалит зубы.... Трент поежился.

– Порезался?

Трент вздрогнул, поднял голову и увидел стоящего рядом с ним Мило. Этот мальчик превосходно умел подкрадываться незамеченным. Не будь Мило верлордом из очень знатного рода, он легко мог бы сделать головокружительную карьеру в Гильдии Воров.

– Ерунда, просто царапина, – ответил Трент, спеша спрятать подальше с глаз свою окровавленную руку. – Слушай, где ты научился так бесшумно подкрадываться? И почему до сих пор не спишь?

– А ты почему не ложишься? – вопросом на вопрос ответил Мило. – Завтра рано утром снова в путь. Мой брат сказал, что мы отправляемся на Гримм Лейн – гвардейцы из Вермайра считают эту дорогу своей. Посмотрим, что они скажут после встречи с нами.

Трент восхищался неисчерпаемым оптимизмом Мило. Этот мальчик никогда не унывал, хотя и был на целую голову ниже любого из взрослых рыцарей.

Но у Папы Феррана и на этот случай была поговорка: «Если что-то можешь, значит, уже дорос до этого». Между прочим, по-настоящему понимать смысл этой поговорки Трент начал только сейчас, наблюдая за восторженным, оптимистичным, всегда готовым взяться за любое дело Мило, стрелой носящегося с места на место в своей большой, не по росту, нагрудной пластине рыцаря-оленья, с коротким мечом у бедра. Этот мальчик стал очень дорог сердцу Трента, и Рыцарь Волка поклялся следить за тем, чтобы Олененок никогда больше не оказался в такой опасности, как тогда, во время стычки на Большой Западной дороге.

– Постарайтесь завтра не попадать в самое пекло, милорд, – сказал Трент.

– Но я же здесь не на прогулке, верно? – обиженно возразил Мило. – Я здесь для того, чтобы сражаться.

– Ради своего и общего блага держись сзади. Очень прошу тебя, не лезь больше черту на рога.

– Но рыцарь всегда должен быть впереди, Трент, – упрямо возразил Мило. – И не страшиться опасностей.

Трент почувствовал, что его начинает раздражать упрямство мальчишки, да еще эта Луна.... Так и светит прямо в глаза, кружит голову, мутит рассудок.

– Послушай, Мило, – сказал Трент. – Когда ты в следующий раз попадешь в западню, меня может не оказаться рядом, чтобы вытащить тебя из нее. У меня во время боя есть и другие дела, кроме как нянчиться с тобой....

– А кто тебя просит нянчиться со мной? Кто? – вспыхнул юный Олень, привлекая к себе этим криком внимание расположившихся неподалеку от них рыцарей.

– Однако именно так все время и происходит! – огрызнулся Трент. У него застучало в висках. Выросшим из десен зубам стало тесно во рту, в горло полилась кровь из разорванных десен. Почему сегодня этот мальчишка так сильно его раздражает? Обычно Трент обходился с Мило очень дружелюбно и терпеливо, в чем же причина? Неужели в льющемся с ночного неба серебристом лунном свете?

– Не приказывай, что я должен делать, Ферран, – дерзко сказал мальчик, и на его щеках выступили красные пятна. К ним уже подтянулись другие рыцари, привлеченные разговором на повышенных тонах. – Я лорд-олень из Стормдейла. Я выше тебя по положению!

– Ты просто мальчишка, – проворчал Трент, прижимая ко лбу свою окровавленную ладонь, надеясь унять таким способом головную боль. Мысли Трента путались, голова гудела, как колокол, голос Мило зудел, раздражал, как блоха собаку. «Замолчи, маленький лорд... Просто замолчи...»

– И не так уж намного ты старше меня, – с вызовом добавил Мило, которому придавали сил собравшиеся вокруг него зрители, а Трент тем временем отвернулся в сторону.

Мальчик никак не мог остановиться, ужасно хотел, чтобы именно за ним осталось последнее слово в этом споре. «Бренн всемогущий, помоги! – Сердце Трента бешено стучало под ребрами, дыхание стало частым, коротким. – Заткни рот этому мальчишке». Весь мир кружился и плыл перед глазами Трента, с неба на него светила Луна, душила своими лучами, рождала странные, растекающиеся, как масляное пятно, тени.

– Взгляни на меня, Ферран, – сказал Мило и потянулся, чтобы хлопнуть дрожащего Трента по плечу.

Но прежде чем мальчик успел прикоснуться к нему, Трент стремительно выбросил вперед свою трехпалую руку и схватил юного Оленя за нагрудную пластину. Собравшиеся вокруг рыцари потянулись к своим мечам, но их движения казались слишком медленными по сравнению с тем, как действовал юноша с Холодного побережья. Изогнувшись всем телом, Трент на вытянутой руке приподнял Мило над землей, отвел свою вторую руку назад для удара. Впрочем, это была уже не рука, а звериная лапа с острыми когтями на кончиках пальцев. Такой удар мог оказаться смертельным. Краешком сознания Трент понимал, что держит в руке всего лишь глупого, упрямого, хотя на редкость храброго мальчишку, но эта мысль тонула в закипающей волне ярости. Пробудившийся Зверь ревел в сердце Трента, он готов был крушить и рвать на клочки все, что встретится ему на пути.

– Нет, Трент, нет! – разнесся над лагерем голос, заставивший Трента остановиться.

Стоявшие в кружок рыцари расступились, освобождая дорогу лорду Рейнхарту. Рядом с ним были магистр Вильгельм и барон Хоффман. Старый лорд – олень уже трансформировался, на его величественной голове появились могучие рога. Рейнхарт оставался в человеческом облике, его лицо выражало замешательство, он явно не понимал, что здесь происходит. С глаз Трента спала красная пелена, он заморгал, словно увидел себя самого со стороны. Увидел, как он держит Мило за нагрудную пластину, готовясь нанести мальчику смертельный удар. Неужели это в самом деле был он, Трент?

– Что ты делаешь? – недоуменно прошептал Рейнхарт.

– Отпусти его, – резко приказал Хоффман и тряхнул своими рогами. – Отпусти его немедленно, или, да простит меня Бренн, я распорю тебе брюхо, парень!

Трент перевел взгляд на беспомощно повисшего у него в руке юного Оленя. Мило, не отрываясь, следил глазами за Трентом. «Зачем я до сих пор держу его?» – подумал Трент, выпуская Мило. Мальчик отлетел назад и откатился под ноги Рейнхарту.

– Я... Прошу прощения, – сказал Трент, с ужасом глядя на свои изуродованные руки. – Я не знаю, что это со мной.

– Зато я точно знаю, что с тобой, – громко воскликнул Хоффман. – Это сумасшествие охватывает тебя в каждом бою. Я не против, когда оно направлено против Котов, но против своих? Против моих братьев?

В широком горле старого Оленя что-то заклокотало.

– Клянусь, милорд, – сказал Трент, посмотрев вначале вверх, на Луну, а затем переведя взгляд на разгневанного верлорда. – У меня на время помутилось в голове, но рассудок я не терял. Прошу, поверьте мне, барон, я никогда не причиню никакого вреда лорду Мило. И никому из вас тоже.

Он обернулся к собравшимся вокруг рыцарям, своим братьям по оружию, но они попятись назад, с подозрением глядя на Трента. Точно с таким же выражением смотрел на него и все еще лежащий на земле Мило.

– Прошу вас, милорд, – чуть не плача произнес Трент, протягивая мальчику свою исцарапанную дрожащую ладонь. – Не бойтесь меня. Мы же с вами друзья, правда?

– Удивляешься, почему все от тебя шарахаются? – спросил Хоффман. Он взял у одного из рыцарей блестящий полированный щит и закончил, кладя его на землю перед Трентом. – А ты сам на себя посмотри.

Рыцарь Волка взглянул на свое отражение в щите. Теперь пришла его очередь ужаснуться. С изогнутой стальной поверхности щита на Трента взглянуло незнакомое чужое лицо с вытянутой, дрожащей нижней челюстью, а чуть ниже из-под верхнего края нагрудной пластины выглядывали густые завитки темной шерсти. И глаза... Они у Трента больше не были голубыми, как небо, они стали янтарно-желтыми и горящими, словно угли.

– Неудивительно, что ты не снимаешь с головы свой волчий шлем ни днем, ни ночью, – прогремел Хоффман.

– Что с тобой случилось? – спросил Рейнхарт, не обращая внимания на негодующие возгласы своего дяди.

У Трента поникли плечи, опустился до самой груди подбородок. Ну что ж, вот и пришло время раскрыться.

– К тому времени, когда вы нашли меня в Брее, после того как Лукас сжег этот город, я уже должен был умереть, – все замерли, и Трент продолжил в полной тишине: – С Лукасом пришли Лесовики, но это не были обычные дикари из Дайрвудского леса. Это были чудовища, уродливые твари, полностью потерявшие человеческий облик. Они больше не были людьми, они превратились в зверей. В волков.

– Волков? – переспросил один из рыцарей. Следом раздался нестройный хор голосов, но Рейнхарт остановил его, подняв вверх свою руку.

– Это не такие волки, как Дрю, – пояснил Трент. Он расстегнул свою нагрудную пластину и дал ей упасть на землю. – Эти звери лишь внешне напоминают волков, но лишены благородства и разума. Это всего лишь дешевая подделка, пародия на настоящего Волка. Эти твари избили, искусили меня, но мне каким-то образом удалось выжить. Очнувшись на следующий день на берегу возле реки, я увидел вот это... – Он расстегнул свою рубашку и показал белый шрам на своем плече. – К тому времени он почти зажил. А я уже... заразился.

Рыцари-люди невольно отступили от Трента еще на шаг, на месте остались лишь верлорды.

– Заразился? – сочувственно переспросил магистр Вильгельм, хмурия брови.

– Да, – вздохнул Трент. – Боюсь, что моя кровь теперь отравлена той же черной магией, которая превратила Лесовиков в диких зверей. Вы помните ту лихорадку, которая приключилась со мной в предыдущее полнолуние?

– Отлично помню, – ответил целитель. – Я же сам выхаживал тебя тогда.

– Я думал, что она убьет меня, однако сумел выкарабкаться. Но в следующий раз...

– В следующее полнолуние, ты имел в виду? – спросил Рейнхарт.

Трент кивнул и перешел на шепот:

– Мне страшно подумать о том, в кого я могу превратиться. Каждую ночь, когда светит Луна, я чувствую, как меняется под ее лучами мое тело. Еще немного, и я стану таким же зверем, как Лесовики Лукаса.

– В таком случае ты должен немедленно покинуть нас, – отрезал Хоффман.

– И куда же он направится? – возразил Рейнхарт, оборачиваясь к своему дяде. – И разве мы можем бросить одного из своих, если тот заболел?

– Но он, однако, не один из нас, верно?

– Пока помогал нам выигрывать битву за битвой, был наш, а стоило ему заболеть...

– Ты что, ничего не понял, племянник? Этот парень трансформируется. Подошло время, когда он становится опасным для всех окружающих.

– Мы не можем его бросить, – покачал головой Рейнхарт. – К тому же он брат Дрю, не забывай. Постарайся лучше найти средство, которое его излечит.

– Серебро, разве что, – хмуро предложил Хоффман, устало глядя на Рейнхарта. – Я довольно много слышал о Лесовиках Лукаса, или Диких волках, как он их называет. Это злобные, кровожадные подобию вервольфов. Если Трент Ферран обречен стать таким же Зверем, гуманнее всего было бы убить его серебряным мечом, чтобы не мучился, так я полагаю.

– Есть те, кто могут тебе помочь, Трент, – прервал его магистр Вильгельм, поднимая вверх свой костлявый палец. – Это Дочери Айсгардена, величайшие целительницы во всем Семиземелье. Возможно, им известно, каким образом нейтрализовать воздействие черной магии, которой ты заразился.

– Барон прав, – сказал Трент, заставив всех замолчать и обернуться к нему. – И дело даже не в том, верите ли мне вы или нет. Я сам себе не верю, вот в чем проблема. Поэтому я должен уйти и остаться один.

– Подумай все же над моим предложением, – сказал Хоффман. – Оно избавит тебя от мучений, а всех остальных от опасности. Ведь ты становишься опасен, Ферран!

– Хотите проверить, насколько я опасен, милорд? – вспыхнул Трент.

– Хватит болтать, – оборвал их Рейнхарт. – Что ты будешь делать, если потеряешь контроль над собой, Трент? Кто тебя остановит, когда Зверь начнет брать в тебе верх?

– Не беспокойтесь, – мрачно заверил юноша. – Я этого не допущу.

Рейнхарт понял, что он имеет в виду, и поежился. Трент подошел к своему дорожному мешку, вытащил из него свою старую нагрудную пластину из коричневой кожи, отстегнул и сбросил с ног металлические наголенники. Затем выбил из кожаной пластины пыль и принялся быстро натягивать ее себе на грудь.

Рейнхарт подошел к Тренту, крепко ухватил его запястье, взглянул на юношу своими печальными глазами. Трент отвернулся в сторону, смущенный тем, что с ним происходит.

– Мне очень жаль, Трент.

– Не извиняйтесь, милорд, – ответил юноша, снимая с запястья пальцы лорда-олени. Затем поднял с земли седло и пошел к своей, привязанной неподалеку к дереву лошади.

– Я покину лагерь этой же ночью, – сказал Трент. – Постараюсь выехать как можно скорее.

– Ты все правильно решил, Трент Ферран, – понимающе кивнул Вильгельм. – Направляйся на север, молодой человек, и постарайся найти Дочерей Айсгардена. В свое время мы были дружны с их настоятельницей, герцогиней Фрейей. Если ей удалось выжить, несмотря на все ужасы, которые принесли с собой в Стурмланд Оникс и маг по имени Черная Рука, у тебя будет надежда на лучшее.

Трент улыбнулся, отвязывая свою лошадь от дерева.

– Вы неправильно поняли меня, милорд магистр, – сказал он, вспрыгивая в седло и опуская на лицо капюшон плаща.

– Неправильно? – озадаченно переспросил Вильгельм.

– Я не собираюсь искать Дочерей Айсгардена, – ответил юноша, сверкнув из-под капюшона крепкими волчьими зубами. – Мне нужно другое лекарство.

– Какое же? – спросил Рейнхарт, глядя на то, как Трент разворачивает лошадь и медленно пробирается мимо расступающихся перед ним рыцарей из Стормдейла.

– Месть, милорд, – ответил Трент, пришпоривая лошадь и переводя ее в галоп. – Месть!

Глава 8

Единственный путь

Травы шелестели под ветром, плыли в небе облака, отбрасывая ползущие по ночной саванне тени. Лонграйдингс – местность открытая, здесь практически негде укрыться от врагов. Юная женщина подползла на животе к верхнему краю холма, оба ее настороженных спутника остались чуть позади, в небольшой ложбинке. Женщина приподняла голову и раздвинула перед собой стебли травы.

Уитли – а это была именно она – ахнула. Дорогу Даймлиг-роуд было не узнать, война превратила ее в сплошную ленту медленно шагающих солдатских отрядов и догорающих костров по обочинам. Найдя глазами то место, где от Даймлиг-роуд отделялась и отходила на запад вдоль края Дайрвудского леса дорога Тальстафф-роуд, Уитли обнаружила, что и она запружена частями армии Льва. Причем основные силы Верховного лорда Леона, высадившиеся на прошлой неделе в Хаггарде, уже отправились в Вестланд, а это сейчас тянулся арьергард: пестрая компания крайне ценных для армии гражданских специалистов – плотников, кузнецов, поваров, полевых священников, которых сопровождают немногочисленные солдаты-охранники. Что же касается регулярных частей, то гвардейцы Верховного лорда Леона уже отошли в своих красных плащах дальше к северу и идут параллельно дороге Тальстафф-роуд вдоль края Дайрвудского леса. А выходить на уходящую в глубину леса дорогу Даймлиг-роуд они избегают, очевидно, наслышаны об опасностях и ужасах, поджидающих путников в дебрях Дайрвуда.

Уитли посмотрела на лес и негромко выругалась. Старая дорога проходила сквозь самую середину Дайрвуда, но вход на нее был забит разворачивающимся здесь после выхода с Тальстафф-роуд арьергардом армии Льва. Войти в лес незаметно для красных плащей было невозможно, во всяком случае, через Даймлиг-роуд уж совершенно точно. Возможность повести своих спутников напрямую через лес, в стороне от всех дорог, Уитли даже не стала рассматривать. Мало того что Дайрвудская чаща была практически непроходимой, она к тому же таила в своих темных глубинах массу смертельных для любого путника сюрпризов, включая кровожадных хищников, причем не только четвероногих, но и передвигающихся на своих двоих. В памяти Уитли все еще оставалась свежа битва с захватившими Брекенхольм дикарями. Да, в той битве Лесовики были разбиты, но при этом никуда не исчезли, просто попрятались в глухих уголках Дайрвуда и сидят там до сих пор, заливая раны. Нет, путь через лес для Уитли и ее товарищей был только один, и он лежал через дорогу. Уитли обернулась, двое ее спутников с надеждой посмотрели на нее. Угрюмая усмешка в принципе сказала им обо всем, что они хотели узнать.

– Ну, так что там? – шепотом спросил лорд Конрад, ползя рядом с Уитли вниз по заросшему травой склону холма.

– Бастийцы, – односложно ответила она. – Много бастийцев.

– Но чьих именно бастийцев? – уточнил Эбен, теребя пальцами свою маленькую бородку. Это был молодой лорд-баран с большими, темными, слегка раскосыми глазами. – Льва или Пантеры?

– Красные плащи, – сказала Уитли. Они втроем спустились к подножию холма и направились к своему маленькому походному лагерю. – Нужно посадить здесь, на вершине холма, своего разведчика, пусть присматривает за ними, пока мы будем решать, что делать дальше. Меньше всего нам нужно, чтобы кто-нибудь из людей Льва случайно направился в эту сторону и наткнулся на наше укрытие.

– Да, мы находимся прямо у них под носом, – озабоченно согласился молодой лорд-баран. – Ты сказала, что их там много, Уитли. Насколько много?

– Тебе лучше не вникать в такие детали, Эбен, – сухо усмехнулась Уитли. – Остановимся на том, что их больше, чем нас.

Барон Эбен был верлордом нервным, мнительным и, честно говоря, совершенно неприспособленным к жизни в полевых условиях, особенно в военное время. В прошлом он служил целителем-магистром при дворе герцога Бранда в Калико. До Эбена эту должность занимал его отец, барон Эван. Добрый, заботливый юноша, он нашел в себе достаточно сил и отваги, чтобы добровольно присоединиться к Уитли и лордам-коням, отправившимся вместе с ней на войну, на север. Правда, глядя на бледное от страха и напряжения лицо Эбена, можно было предположить, что он уже жалеет о своем решении.

Вернувшись в лагерь, лорд Конрад немедленно отправил двух своих лучших разведчиков на вершину холма, наблюдать за передвижениями гвардейцев Льва. А Уитли в лагере поджидал Рэнсом. Старый капитан покинул свой корабль по ту сторону залива Быка, чтобы оставаться рядом с леди-медведицей. Уитли все больше нравился этот седоусый пират, а Рэнсому очень нравилось в отсутствие герцога Бергана исполнять роль ее приемного отца.

Впрочем, девушка из Брекенхольма каждый день, и не раз, вспоминала о своем родном отце, пыталась представить, где он теперь и что с ним. Слухи о том, что его видели живым где-то в горах Уайтпикс, наполняли сердце Уитли надеждой и радостью, но она намеренно сдерживала себя, чтобы возможное разочарование не оказалось слишком тяжелым. По-настоящему в то, что ее отец жив, она поверит только тогда, когда его обнимет.

– Какие новости, миледи? – спросил старый пират и заранее нахмурился, увидев мрачное выражение лица Уитли.

Девушка описала ему ситуацию на загроможденной войсками дороге Даймлиг-роуд, а в конце добавила:

– Пока армия Льва пройдет и мы сможем беспрепятственно попасть в Дайрвуд, минует несколько дней.

– У нас нет этих нескольких дней, миледи, если мы намерены в течение двух недель собрать армию и прибыть с ней в Стурмланд, – покачал головой Рэнсом.

– Капитан прав, – согласился Конрад. – Если мы опоздаем, лорду Дрю придется воевать на севере со Львами и Пантерами в одиночку.

– Если он вообще туда доберется, – пессимистично добавил Эбен.

– Джентльмены, – сказала Уитли. – У нас сотня бойцов. Под моим командованием находится отряд Неистовых гвардейцев Верховного лорда Тигары, у вас в распоряжении ваши лорды-кони, Конрад. Давайте выступим сегодня же ночью, под покровом темноты.

– Куда именно выступим? – спросил барон Эбен.

Рэнсом же кивнул, соглашаясь с предложением Уитли, и ответил Эбену вместо нее:

– Ударим по горловине Даймлиг-роуд и будем пробиваться сквозь ряды красных плащей, пока не доберемся до Дайрвуда.

И без того бледное лицо Эбена после этих слов сделалось вовсе прозрачным.

– Нет, должен быть какой-то другой путь, – чуть слышно прошептал он. – Обязательно должен быть.

– Это единственный путь, – заверила Уитли и ободряюще хлопнула его по плечу.

Самым легким было добраться до края Дайрвудского леса.

Проскокав в ночной темноте через высокие травы, отряд Уитли уткнулся в плотную непроходимую стену зарослей ежевики – это была граница Дайрвуда. Колючие кусты и похожие на змей лианы тесно переплетались здесь друг с другом, затягивая все свободное пространство, намертво соединяя в единую непроницаемую ткань древесные стволы, ветки, покрытые шипами заросли ежевики и густую траву под ногами. Эта неприступная стена окружала весь Дайрвудский лес, тянулась влево и вправо милью за милей, без начала, без

конца, без единого просвета. Пока всадники медленно пробирались вдоль этого барьера, Уитли, прячась вместе со всеми в тени нависающих ветвей, не могла справиться с охватившим ее странным чувством, в котором в равной степени смешались тоска и радость. Тоска по любимым и дорогим людям, которые были сейчас так далеко, и радость от свидания с лесом, который был ее родиной.

Рядом с Уитли ехали Эбен и Рэнсом, а Конрад возглавлял всю колонну. Ехали они медленно, тихо, не больше чем по три всадника в шеренге. Двигаться быстро и теснее держаться друг к другу им придется только после того, как их обнаружат красные плащи, но это должно произойти лишь в самом конце, когда всадникам удастся незамеченными подойти к самой горловине Даймлиг-роуд. На войне – и не только – все и всегда решают детали. Главной деталью плана Уитли был точный расчет времени.

– Никогда ничего похожего не видел, – прошептал Рэнсом.

– А что такое? – спросил его барон Эбен через голову ехавшей между ними Уитли.

– Я моряк, милорд. Этот лес... Он такой громадный. На мозги мне давит.

– Понимаю. Мне вот так же давит на мозги, когда я о ваших океанах думаю, – слегка передернулся Эбен, нервно поглядывая в сторону леса. – Впрочем, вы правы, капитан, при виде этого леса тоже становится не по себе.

– Именно леса сейчас следует опасаться меньше всего, – сказала Уитли и крепче ухватила поводья, когда окружавшая тишина неожиданно взорвалась, сменилась криками, тяжелыми ударами копыт – и лорды-кони, и Фурии из Фелоса пришпорили своих коней и направили их вперед.

Колонна вынырнула из тянувшихся вдоль края Дайрвудского леса теней и понеслась к горловине Даймлиг-роуд. Уитли видела походный лагерь и мечущихся там в панике солдат в красных плащах. До цели, к которой стремился отряд Уитли – места, где древняя дорога исчезала в глубине леса, – оставалось чуть меньше мили, но на протяжении всей этой мили им придется пробиваться на север сквозь вражеские расположения.

Грохотали копыта, взрывая сухую землю, круша натянутые на колышках палатки. Резко свистели выпущенные в воздух арбалетные стрелы, сбивали на землю сидящих в седле всадников. Истошными голосами вопили падающие под лошадиные копыта солдаты в красных плащах. Звенели мечи, мелькали копья, в воздухе запахло потом и кровью. Битву возглавлял частично успевший трансформироваться Конрад, он яростно размахивал своим мечом, прорубаясь сквозь перегородивших ему путь гвардейцев Льва. Не отставали от своего вожака и остальные лорды-кони, они тоже орудовали мечами, трясли белыми, черными, рыжими гривами, роняли клочья пены, скрипя своими огромными страшными зубами. Фурии из Фелоса сражались, как и подобает профессионалам – деловито, спокойно, рубили направо и налево, держа меч в каждой руке и ловко управляя своими лошадьми с помощью одних только ног.

Уитли дралась наряду со всеми в самом центре схватки. Рядом с ней держался Эбен, а вот Рэнсом куда-то пропал из вида. Продвижение Уитли замедлилось, когда из уцелевших палаток начали выскакивать все новые и новые солдаты в красных плащах. Гвардейцы яростно набрасывались на всадников, им помогали мелькавшие в море красных плащей бастийские верлорды – и Коты, и какие-то еще экзотические Звери. Уитли слышала Конрада – громовым голосом он выкрикивал команды, призывая своих товарищей следовать за ним, но в схватку постоянно вливались новые бойцы, и движение всадников неуклонно замедлялось.

Откуда-то сбоку на Уитли набросился гвардеец Льва, схватил девушку за зеленый плащ и резко рванул, едва не сбросив из седла на землю. Лошадь повернула в сторону, Уитли перехватила поводья одной рукой, развернулась к гвардейцу, с яростью взглянула на него, раздувая ноздри. Гвардеец торжествующе рассмеялся, собираясь окончательно сдернуть Уитли с

седла, но его смех перешел в дикий вопль, когда леди-медведица взмахнула своей когтистой лапой, раздирая лицо гвардейца. Разумеется, он немедленно выпустил из рук плащ Уитли и рухнул на землю.

Теперь Уитли развернула лошадь на месте, по кругу, пытаясь сориентироваться в пространстве, и обнаружила, что со всех сторон ее окружают солдаты в красных плащах. Уитли попыталась докричаться до Конрада, но безуспешно – разве можно перекрыть голосом рев и грохот такой схватки, как эта? Да, они с товарищами недооценили противника, предположили, что эти красные плащи окажутся бестолковыми необученными легионерами, наскоро набранными Лукасом из местной шпаны и торгашей. Ничего подобного! Этой ночью им довелось столкнуться с кадровыми бастийскими гвардейцами, умевшими держать удар, умевшими драться и не привыкшими отступать. Уитли повернулась в седле и увидела двух, пролетевших в нескольких метрах от нее лордов-коней, которым удалось обнаружить небольшой просвет в толпе дерущихся. Уитли пришпорила лошадь и рванула следом за ними.

Тут откуда ни возьмись появилась третья лошадь и с жалобным ржанием врезалась в лошадь, на которой сидела Уитли. От столкновения бедные животные повалились на землю, вместе с ними зарылись в пыль и их всадники. Уитли заворочалась, пытаясь освободить свою придавленную лошадиным боком ногу. Ее лошадь не двигалась, из ее раскрытой пасти поднимался пар, остекленевшие глаза уставились в звездное небо. Уитли еще раз попыталась освободить ногу. Безуспешно. «Ну же, Уитли, давай соображай, девочка», – приказала она самой себе. Других лошадей слышно не было. Все товарищи Уитли уже ускакали вперед – во всяком случае, те, кто не был убит в этом бою.

Уитли подняла голову и увидела двух гвардейцев в красных плащах, они приближались к ней, переступая через мертвых и умирающих лошадей и их всадников. Один гвардеец держал в руке меч, второй подхватил по дороге брошенное на землю копьё.

Оставался лишь единственный способ выбраться из-под мертвой лошади, и Уитли принялась трансформироваться, а затем, напрягая могучие медвежьи мышцы, начала по миллиметру приподнимать лошадиную тушу. Приближавшиеся гвардейцы ускорили шаг, закричали, привлекая внимание своих товарищей, указывая им на леди-медведицу. Уитли грозно взревела, ухватила своими лапами лошадиный труп, приподняла его, и в этот момент один из гвардейцев кинул свое копьё. Оно летело точно в цель, но Уитли выручило седло, которое она как раз держала в руках. Копьё ударило между лап Медведицы, пробило насквозь кожаное седло и застряло в нем. Уитли рывком оттолкнула от себя лошадиную тушу и наконец смогла подняться на ноги.

В следующую секунду она выдернула застрявшее в седле копьё и швырнула его в приближавшихся гвардейцев. С копьём Уитли обращалась не менее ловко, чем бросивший его солдат в красном плаще – оно прошило ему грудь, и гвардеец замятво рухнул на землю. Второй гвардеец не дрогнул, напротив, ускорил шаги, чтобы сократить дистанцию, и высоко поднял над головой свой украшенный серебряными рунами меч. Это было его ошибкой.

Уитли сделала резкий выпад вперед, стиснула свои страшные челюсти. Хрустнули кости. Откушенная рука упала на землю, все еще продолжая сжимать в кулаке посеребренный меч. Следом повалился снопом и сам гвардеец. Не обращая больше на него внимания, Уитли подняла голову и увидела новых, приближавшихся к ней гвардейцев Льва. Их было больше десяти, а она – совершенно одна среди этого моря красных плащей. Гвардейцы неторопливо приближались, перекрикивались друг с другом, предвкушая близкую победу, а Уитли невольно представила себе, как будет выглядеть ее голова, поднесенная в виде трофея Верховному лорду Леону.

Внезапно из-за спины Уитли вынырнули и пронеслись мимо нее лошади с сидящими у них на спинах всадниками. Размахивая боевыми топориками, издавая боевой клич, всад-

ники врезались в опешивших гвардейцев Льва. На всадниках были белые плащи, на щитах выбито изображение бычьей головы – воины из Калико, лонграйдерсы. Выброшенный в кровь Уитли адреналин перегорел, девушка почувствовала огромную усталость и начала обратную трансформацию. К тому времени, когда Уитли полностью вернула себе человеческий облик, на поле боя появились новые всадники в белых плащах, вскоре она уже и со счета сбилась. Под ударами их мечей и копыт красные плащи дрогнули, отступили, вновь открылся проход по Даймлиг-роуд.

Услышав за спиной конское ржание, Уитли стремительно обернулась и увидела перед собой громадного, черного, как ночь, жеребца. Впрочем, только таким и мог быть конь, подходящий для сидевшего на нем гиганта.

Сверкая глазами, герцог Бранд посмотрел сверху вниз на Уитли и с плохо скрываемой гордостью спросил, протягивая ей свою, похожую на лопату руку:

– В ваших рядах все еще найдется местечко для одного старого глупого Быка, миледи?

Часть II

Границы обозначены

Глава 1

Сожженный

Девушка устала. Отдых.

Гретхен цыкнула зубом и смахнула пот со лба. На этот раз сделать привал ради разнообразия предложил не Холка. Наверное, устал уговаривать девушку передохнуть, но она лишь сердито рычала и огрызалась в ответ. В другое время, причем совсем не так давно, Гретхен сразу ухватилась бы за предложение сделать остановку, и даже, наверное, послала бы кого-нибудь принести ей кружку холодной воды, но той женщины больше не было. Можно считать, что она умерла. Леди-лисица из Хеджмура стала в полном смысле слова другим человеком, который переносит любые трудности и охотно берется сделать все, о чем попросят.

– Лучше о себе побеспокойся, Шома, – заносчиво ответила Гретхен, готовясь перепрыгнуть на другой берег неширокого ручья.

Она немного не долетела и приземлилась в жидкую прибрежную грязь. Ухватившись рукой за камыши, Гретхен сумела устоять на ногах и восстановить равновесие. Болотник по имени Шома окинул Гретхен внимательным взглядом, после чего повернулся и пошел дальше сквозь камыши.

По дороге он прошел мимо Холки, который стоял, опираясь на копье, и широко, от уха до уха, улыбался своими тонкими губами. Никому в охотничьем отряде, состоявшем только из мужчин, не понравилась идея включить в него женщину. Никому, кроме Холки. Гретхен была тронута тем, как во время собрания жителей деревни он настаивал на том, что девушка должна пойти с охотниками. Сейчас, поравнявшись с Холкой среди камышей, Гретхен кивнула ему и сказала:

– Спасибо.

Выдохнув это слово, она без сил повалилась на траву. Холка тоже прилег на землю рядом с Гретхен.

– Хорошо, – сказал он. – Шома устать. Он как старый женщина. Ему нужен отдых.

Гретхен громко рассмеялась, заставив сердито обернуться ушедших немного дальше вперед болотников. Она прикрыла свой рот ладошкой и прошептала, чувствуя себя провинившейся девочкой:

– Простите. – И добавила, обращаясь к Холке: – Ух, какие они серьезные.

– Охота, – негромко ответил Холка. – Дело серьезное.

За те несколько предыдущих недель, которые Гретхен провела в семье болотников, ее постепенно познакомили со всей общиной и укладом их жизни. Жена Холки, Шильмин, была немой, однако приняла девушку из Дейлиленда всей душой и относилась к ней как к родной. Со своей стороны, Гретхен старалась, как могла, помогать ей по хозяйству: собирала и чистила овощи, играла с маленьким Хиликом, который буквально влюбился в Лисицу. Больше всего ему нравилось перебирать ручонками ее необычные рыжие волосы. Холка постепенно познакомил Гретхен со всеми остальными жителями деревни, и те смирились с ее присутствием, хотя и продолжали относиться к чужеземке с известной долей настороженности.

Шома, как и Холка, считался в деревне одним из старейшин и традиционно возглавлял выходящих на промысел охотников. У всех болотников, или «фибий», как иногда называл

своих сородичей Холка, были длинные, с широкими ступнями ноги, короткие шеи, круглые большие головы и широкие плечи. Здешние жители всегда ходили босиком и потому с подозрением и даже недоумением косились на красивые туфли Гретхен. Не меньшее удивление у речных жителей, привыкших носить звериные шкуры, вызывала и остальная одежда рыжей девушки из Дейлиленда. Чтобы не выглядеть белой вороной, Гретхен и сама вскоре переоделась в шкуры, хотя отказаться от туфель так и не смогла. Как бы там ни было, но даже попав в ситуацию, когда нужно было выживать среди дикой природы, Гретхен в душе оставалась принцессой – и останется ею до конца своих дней, каким бы ни был этот конец.

Группа охотников состояла из семи человек, включая Гретхен. Двое болотников несли на своих плечах сеть, в которую складывали добычу. Сейчас в ячейках извивалось несколько угрей и рыб, вяло ловивших своими ртами воздух. Самым первым шел Шома, он прокладывал путь и время от времени оборачивался, чтобы окинуть Гретхен насмешливым, слегка презрительным взглядом.

– Не нравлюсь я ему, ох, как не нравлюсь, – заметила Гретхен.

– Шома не любит сухопутников, – ответил Холка.

– Не все сухопутники плохие, Холка.

– Все сухопутники, которых встречал Шома, были плохие, – возразил Холка, пожав плечами. – Сухопутники не такие, как фибии.

Нужно признать, что он, в принципе, был прав. Болотниками Гретхен пугали с самого детства. Это были мифические речные страшилища, которые утаскивают детей под воду и поедают их. Жуть! Находились люди, которые утверждали, что своими глазами видели этих чудовищ и даже убивали их. Считалось, что болотники – это безмозглые дикари, такие же, как Лесовики из Дайрвуда. Им нельзя верить и, уж конечно, нельзя иметь с ними дела. Теперь Гретхен убедилась, что все это совершенно не так.

– Сухопутники боятся всего, что не вписывается в рамки нашего мира, – вздохнула Гретхен. – А ваш народ совершенно не похож на людей, которые населяют Дейлиленд или Вестленд.

– А сухопутники совсем не похо... походить на фибий, – ответил Холка, с трудом выговаривая непривычное для него слово.

– Мы всегда боимся того, чего не понимаем. Болотников тоже не понимаем. А еще мы всегда нападаем на тех, кого боимся.

– Девушка боится Холку?

Гретхен задумалась над тем, как ей ответить на этот вопрос, не обидев при этом болотника.

– Когда я впервые увидела тебя возле твоего дома, то действительно испугалась. А ты еще набросил тогда на меня свою сеть.

– Холка осторожный. А девушка была как... шума... шумашедший.

– Девушка была испуганный, – поправила его Гретхен. – А когда человек испуганный, он ведет себя как сумасшедший.

– Девушка тогда видеть Холка не в первый раз, – снова пожал плечами Холка.

Гретхен вновь задумалась. Возможно, она не совсем правильно понимает то, что пытается сказать ей Холка на своем ломаном языке? Или он ее неправильно понял?

– Возле твоей хижины, Холка, – повторила она. – Тогда мы встретились впервые, ты помнишь?

– Нет, в первый раз Холка видеть девушка из реки. Холка прятался под водой. Девушка спорила с юношей.

Холка сказал это застенчиво, но в то же время так убежденно, что Гретхен невольно засомневалась.

До сих пор она была уверена в том, что впервые увидела Холку возле его хижины, из которой вышла, впервые встав на ноги после долгой болезни. Разве они встречались до этого возле реки? И когда это могло случиться? А единственным парнем, с которым она в последнее время спорила, мог быть только...

– Тот юноша, – спросила Гретхен. – Какого цвета у него были волосы?

Холка посмотрел по сторонам, ища, с чем бы сравнить волосы того юноши, затем про-
сиял и ответил:

– Солнце.

Трент! Гретхен вспомнила, как они поссорились с Трентом после той удачной засады на гвардейцев Льва в Дейлиленде. И случилось это действительно на берегу реки. Да-да, она сидела тогда, опустив босые ноги в холодные волны Редвайн, затем подняла голову, и ей почудилось, что кто-то наблюдает за ней из-под воды. Она еще подумала, что это ей почудилось, а в следующую секунду видение исчезло в речной глубине.

– Так это ты был тогда, Холка? В реке? Следил за мной?

– Зачем следил? – возразил Холка. – Это моя река. Холка ловил рыбу.

И опять он не солгал, река Редвайн принадлежала ему точно так же, как любому другому. За последние недели Гретхен не раз наблюдала за тем, как рыбачит Холка. Все верно. Он мог бродить со своей острой по мелководью в том месте, где болото соединяется с лагуной, а мог, оставив Гретхен на берегу, нырнуть под воду и долго-долго не появляться на поверхности. Иногда Гретхен возвращалась в хижину одна, так и не дождавшись его, и Холка приходил намного позже, мокрый, с насаженной на острогу крупной рыбиной, которую потом разделявала, варила и подавала на стол Шильмин. Гретхен всегда восхищалась умением Холки плавать и охотиться под водой.

– Как ты научился так хорошо рыбачить под водой, Холка? Ты мог бы научить меня этому? – спросила Гретхен, которой стало ясно, что болотник действительно видел ее впервые задолго до того, как набросил тогда на нее свою сеть возле хижины.

Холка неуверенно покачал головой:

– Фибии от рождения живут рекой. На реке. В реке.

Ответ был неопределенным, но добиться от Холки большего Гретхен не смогла. Какое-то время она шла вперед молча. Солнце припекало, грязь под его лучами постепенно высыхала, превращалась в твердую глину. Щебетали птицы, взлетали в воздух, когда идущий впереди Шома вспугивал их, заставляя подняться с гнезд. Время от времени слышался тяжелый всплеск – это спешил скрыться в воде какой-нибудь водоплавающий зверек. И правильно делал, между прочим, потому что болотники были не только рыбаками и никогда не упускали случая добыть выдру или, например, бобра. У них, конечно, и мясо вкусное, но самое ценное в этих зверьках – их мех. Мягкий и теплый. И он вскоре очень пригодится, потому что жаркое лето продлится недолго и на смену ему придет холодная зима.

– Куда мы направляемся? – прервала затянувшееся молчание Гретхен. Ей казалось, что последнее время они поднимаются, уходя все выше от края воды.

– Отец Шома, – ответил Холка. – Он живет на краю болота. Один.

– Это что-то вроде сторожевой заставы? – Гретхен было трудно представить себе, как можно жить на краю болота в полном одиночестве. – Он ждет нас?

– Нет.

– Скажи, когда вы разрешите мне уйти? Ты же сам видишь, мне уже намного лучше.

Гретхен по-прежнему прихрамывала на раненую ногу, но в целом чувствовала себя вполне сносно. Конечно, оставленная когтями одного из Диких волков Лукаса рана будет давать о себе знать еще довольно долго, но за несколько проведенных у болотников недель Гретхен достаточно окрепла, чтобы самостоятельно отправиться в путь.

И для нее теперь совершенно новый, четкий смысл приобрели слова Дрю, который постоянно любил повторять о том, что необходимо помогать всем слабым, потерявшим надежду и не знающим, как им жить дальше в этом жестоком воюющем мире.

– Опасно, – ответил Холка. – Уйдешь, когда будет не опасно.

Гретхен схватила его за обнаженное, холодное на ощупь предплечье.

– Ты не понимаешь, Холка. Безопасно не будет никогда. Идет война. Я нужна на этой войне. Я могу помочь.

Она замолчала, заметив, с каким удивлением Холка смотрит на свое предплечье. Гретхен убрала руку, и Холка поднял выпученные глаза, заглянул ими в глаза Лисицы.

– И вы можете помочь, – продолжила Гретхен. – Все вы. В этой войне каждый может найти свое место.

– Не фибии. Война не в нашем мире. Война в вашем мире.

– Лиссия – наш общий мир, Холка. Не только мир верлордов и городских жителей, сухопутников, как ты их называешь. Мы все живем в этом мире. И должны сражаться за него. Все вместе.

Гретхен поймала себя на том, что говорит сейчас в точности как Дрю, и сердце сильнее забилося в ее груди, от волнения защекотали, встали дыбом волоски у нее на затылке. Но, увы, то ли Гретхен не хватало умения убеждать людей, которым обладал Дрю, то ли не по адресу пришли ее слова, но Холка просто повернулся и пошел дальше.

Гретхен неохотно двинулась следом, сердито разводя в сторону окружавшие ее камыши. Чего так опасаются эти болотники? Того, что их будут преследовать? Или просто не желают ничего менять в своей жизни? От этих мыслей Гретхен оторвал раздавшийся впереди жуткий вой. Холка уже бросился бежать и, опережая ушедших вперед собратьев, первым выбежал из камышей на небольшую, открывшуюся перед ними лужайку.

Шома продолжал кричать и всхлипывать, стоя посреди принадлежавшего его отцу клочка земли, и стоны болотника сливались с карканьем собравшихся на лужайке ворон. Хижина, к которой они вышли, была построена на более сухом участке земли, чем хижина Холки. По расчетам Гретхен, они все еще находились за много миль от ведущей в глубину Дейлиленда дороги Даймлиг-роуд. Вдали от цивилизации? Нет, к сожалению, не слишком далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.